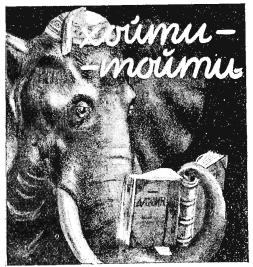
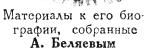
N30PDETEHN8

Рисунки худ. Н. Кочергина

Правда, галлерею и амфитеатр наполняли обычные посетители цирка: чиновники и рабочие с семьями, торговцы, приказчики. Но в ложах и в первых рядах сидели старые, седые, очень серьезные и даже хмурые люди в несколько старо-

модных пальто и макинтошах. Средя зрителей первых рядов попадались и молодые люди, но такие же серьезные и молчаливые. Они не жевали бутербродов, не пили пива. Замкнутые как каста сраминов, они сидели неподвижно и ждали вторсго отделения, когда выйдет Хойти-Тойти, ради которсго они пришли.

В антракте все говорили только о предстоящем выходе Хойти-Тойти. Ученые мужи из первых рядов оживились. И наконец наступил давно жданный момент. Прозвучали фанфары, выстроились шеренгой цирковые униформы в крастых с золотом ливреях, занавес у входа широко раздвинулся, и под аплодисменты публики вышел он — Хойти-Тойти. Это был огромный слон. На голове его была надета расшитая золотом шапочка со шнурами и кисточками. Хойти-Тойти обошел арену, сопровождаемый вожаком — маленьким человеком во фраке, отвешивая поклоны направо и налево. Затем он прошел на середину арены и остановился.

— Африканский, — сказал седой профессор на ухо своему коллеге.

— Индийские слоны мне нравятся сольше. Формы их тела округленнее мягче. Они производят, если можно так выразиться, впечатление более культурных животных. У африканских слонов

І. Необыкновенный артист.

Огромный берлинский цирк Буша был переполнен зрителями. По широким ярусам как летучие мыши бесшумно сновали кельнеры, разнося пиво. Кружки с незакрытыми крышками, означавшими неудовлетворенную жажду, они сменяли полными, ставя их прямо на пол, и спешили на призывные знаки других жаждущих. Дородные мамаши с великовозрастными дочками разворачивали пакеты пергаментной бумаги, вынимали бутерброды и пожирали кроеяную колбасу и сосиски в глубокой сосредоточенности, не отрывая глаз от арены.

К чести зрителей однако надо сказать, что не китайцы, висящие на своих косах, не самоистязатель-факир и не лягушкоглотатель привлекли в цирк такое огромное количество публики. Все с нетерпением ожидали конца первого отделения и антракта, после которого должен был выступить Хойти-Тойти. О нем рассказывали чудеса. О нем писали статьи. Им интересовались ученые. Он был загадкой, любимцем и магнитом. С тех пор как он появился, на кассе цирка каждый день высешивался аншлаг; «Билеты все проданы». И он сумел привлечь в цирк такую публику, котогая раньше никогда туда не заглядывала.

формы солее грубые, заостренные. Когда такой слон протягивает хобот, он становится похож на какую-то хищную птицу...

Маленький человек во фраке, стоявший возле слона, откашлялся и начал говорить:

— Милостивые государыни и милостивые государ..! Честь имею представить вам знаменитого слона Хойти-Тойти. Длина туловища — четыре с половиной метра, высота — три с половиной метра. От конца хобота до конца хвоста — девять метров...

Хойти-Тойти неожиданно поднял хобот и махнул им перед лицом человека во фраке.

- Виногат, я ошибся, сказал вожак. — Хобот имеет в длину д а метра, а хвост—около полутора метроз. Таким образом длина от конца хобота до конца хвоста — семь и девять десятых метра. Съедает ежедневно триста шестьдесят пять кило зелени и выпивает шестнадцать ведер воды.
- Слон считает лучше человека! послышался голос.
- Вы заметили, слон погравил своего вожака, когда тот ошибся в счете!— сказал профессор зоологии своему коллеге.
 - Случаяность, ответил тот.
- Хойти-Тойти, продолжал вожак, гениальнейший из слонов, когдалибо существовавших на земле, и наверно самое гениальное из всех животных. Он понимает немецкую р чь... Ведь ты понимаешь, Хойти? обратился он к слону.

Слон важно кивнул головой. Публика зааплодиро ала.

- Фокусы! сказал профессор Шмит.
- -- A вот вы посмотрите, что будет дальше, возражал Штольц.
- Хойти-Тойти умеет считать и различать цифры...
- Довольно объяснений! Показывайте! — крикнул кто-то с галерки.
- Во избежание всяких недоразумений, продолжал невозмутимо человек во фраке, я прошу спуститься сюда на арену несколько свидетелей, которые могут удостоверить, что здесь нет никаких фокусов.

Шмит и Штольц посмотрели друг на друга и сошли на арену.

И Хойти-Тойти начал показывать свои изумительные дарования. Перед ним раскладывали большие квадратные куски картона с нарисованными на них цифрами, и он складывал, умножал и делил, выбирая из груды кусков картона цифры, которые соответствовали результату его вычислений. От однозначных цифр перешли к двузначным и наконец к трехзначным; слон решал задачи безошибочно.

- Ну, что вы скажете? спросил Штольц.
- А вот мы посмотрим, не сдавался Шмит, как он понимает цифры. И, вынув карманные часы, Шмит поднял их вверх и спросил слона:— Не скажешь ли нам, Хойти-Тойти, который час?

Слон неожиданным движением хобота выхватил часы из руки Шмита и поднес к своим глазам, потом вернул часы их растерявшемуся владельцу и составил из кусков картона ответ:

«10, 25».

Шмит посмотрел на часы и смущенно пожал плечами: слон совершенно верно указал время.

Следующим номером было чтение. Вожак разложил перед слоном большие картины, на которых были изображены различные звери. На других листах картона были сделаны надписи: «лев», «обезьяна», «слон». Слону показывали изображение зверя, а он указывал хоботом на картон, на котором было написано соответствующее название. И он ни разу не ошибся. Шмит пробовал изменить условия опыта: указывая слону на слова, заставлял найти соответствующее изображение. Слон и это выполнил безошибочно.

Наконец перед слоном была разложена азбука. Подбирая буквы, он должен был составлять слова и отвечать на вопросы.

 Как тебя зовут? — задал вопрос профессор Штольц.

«Теперь Хойти-Тойти», — ответил слон.

— Что значит «теперь»? — спросил в свою очередь Шмит. — Значит раньше тебя ззали иначе? Как же звали тебя раньше?

«Сапиенс» 1), — ответил слон.

¹⁾ Sapiens (по-латыни) — разумный, мудрый.

— Быть может еще Хомо Сапиенс 1)?—рассмеявшись, сказал Штольц. «Быть может», — загадочно ответил слон.

Затем он начал выбирать хоботом буквы и составил из них слова:

«На сегодня довольно».

Раскланявшись во все стороны, Хойти-Тойти ушел с арены, несмотря на протестующие возгласы вожака.

В антракте ученые собрались в курительной комнате, разбились на группы и начали оживленный разговор.

В дальнем углу Шмит спорил со Штоль-

- Вы помните, уважаемый коллега, говорил он, какую сенсацию произвела в свое время лошадь по имени Ганс? Она извлекала квадратные корни и производила другие сложные вычисления, отбивая копытом ответ. А все дело сводилось, как выяснилось потом, к тому, что владелец Ганса выдрессировал его так, что он отстукивал копытом, подчиняясь скрытым сигналам хозяина, в счете же он смыслил не больше слепого щенка.
- Это только предположение, возражал Штольц.
- Ну, а опыты Торндайка и Иоркса? Все они были основаны на образовании у животных естественных ассоциаций. Перед животным помещался ряд ящиков, при чем только в одном из них находился корм. Этот ящик, например, мог быть вторым справа. Если животное угадает ящик, в котором находится корм, то автоматически открывается кормушка, и оно получает пищу. У животных таким образом должна выработаться примерно такая ассоциация: «второй ящик справа пища». Затем порядок ящиков меняется.
- Надеюсь, вапли карманные часы не имеют кормушки? с иронией спросил Штольц. Чем же вы в таком случае объясняете факт?
- Но ведь слон и не понял ничего в моих часах. Он только поднес к глазам блестящий кружок. А когда начал подбирать цифры на картонках, то очевид-

но слушался незаметных для нас указаний вожака. Все это—фокусы, начиная с того, что Хойти-Тойти «поправил» вожака, когда тот ошибся в подсчете длины слона. Условные рефлексы и больше ничего!

- Директор цирка разрешил мне остаться с моими коллегами после окончания представления и проделать с Хойти-Тойти ряд опытов,—сказал Штольц.—Надеюсь, вы не откажетесь принять в них участие?
 - Разумеется, ответил Шмит.

II. Не вынес оскорбления.

Когда цирк опустел и огромные лампы были погашены кроме одной, висящей над ареной, Хойти-Тойти был вновь выведен. Шмит потребовал, чтобы вожак не присутствовал при опытах. Маленький человечек, который уже снял фрак и был одет в фуфайку, пожал плечами.

- Вы не обижайтесь, сказал Шмит. Простите, не знаю вашей фамилии...
- Юнг, Фридрих Юнг, к вашим услугам...
- Не обижайтесь, господин Юнг. Мы хотим обставить опыт так, чтобы не было никакого подозрения.
- Пожалуйста, сказал вожак. Позовите меня, когда нужно будет уводить слона. И он направился к выходу.

Ученые приступили к опытам. Слон был внимателен, послушен, безошибочно отвечал на вопросы и разрешал задачи. То, что он проделывал, было изумительно. Никакой дрессировкой и никакими фокусами нельзя быле объяснить его ответов. Приходилось допустить, что слон действительно наделен необычайным умом — почти человеческим сознанием. Шмит, уже наполовину побежденный, спорил только из упрямства.

Слону очевидно надоело слушать этот нескончаемый спор. Он вдруг ловко протянул хобот, вынул из кармана в жилете Шмита часы и показал их владельцу. Стрелки стояли на двенадцати. Затем Хойти-Тойти, вернув часы, приподнял Шмита за шиворот и пронес через арену к выходному проходу. Про-

¹⁾ Homo sapiens — разумный человек — научное название человека, по классификации принадлежащего к классу млекопитающих.

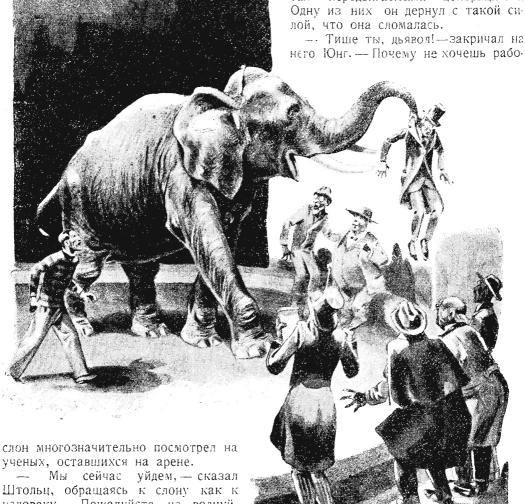
фессор неистово закричал. Его коллеги засмеялись. Из прохода, ведущего к конюшням, выбежал Юнг и начал кричать на слона. Но Хойти-Тойти не обращал на него никакого внимания. Покончив со Шмитом, выставленным в коридор,

еще немало дела. Иоганн! Фридрих! Вильгельм! Где же вы?

На арену вышли несколько рабочих и занянись уборкой: подравнивали граблями песок, подметали проходы, уносили шесты, лесенки, обручи. А слон

помогал Юнгу перетаскивать декорации. Но ему, видимо, не хотелось работать. Он был чем-то раздражен или может быть устал от второгс сеанса в необычное время. Фыркая хоботом, он крутил головой и грохотал передвигаемыми декорациями. Одну из них он дернул с такой си-

-- Тише ты, дьявол!-закричал на

ученых, оставшихся на арене.

Штольц, обращаясь к слону как к человеку. -- Пожалуйста не волнуйтесь.

И Штольц, а следом за ним и другие профессора, смущенные, покинули

— Ты хорошо сделал, Хойти, что выпроводил их, — сказал Юнг. — Нам

Хойти-Тойти поднял Шмита за шиворот.

BCEMIPION CAFAOTIOT =

тать? Зазнался? Писать, считать умеешь, так уж тебе не хочется физическим трудом заниматься? Ничего не поделаешь, брат! Это тебе не богадельня. В цирке все работают. Посмотри на Энрико Ферри. Лучший наездник, с мировым именем, а когда не его номер—выходит в ливрее «парад алле» изображать и становится в ряд с конюхами. И арену граблями поправляет...

Это была правда. И слон знал это. Но Хойти-Тойти не было дела до Энрико Ферри. Слон фыркнул и направился через арену к проходу.

— Ты куда? — вдруг рассердился Юнг. — Стой! Стой, говорят тесе!

И, схватив метлу, он подбежал к слону и ударил его метельной палкой по толстей ляжке. Юнг никогда еще не бил слона. Правда, и слон раньше никогда не проявлял такого непослушания. Хойти вдруг заревел так, что маленький Юнг присел на землю и схватился за живот, как будто этот рев переворачивал ему внутренности. Обернувшись назад, слон схватил Юнга как щенка, несколько раз подбресил вверх, лоея налету, потом посадил на землю, взял хоботом метлу и, шагля по арене, написал на песке:

«Не смей меня бить! Я не животное, а человек!»

Затем, бросив метлу, слон отправился к выходу. Он прошел мимо лошадей, стоявших в стойлах, подошел к воротам, прислонился к ним огромным туловищем и начал плечом. Вор та затрещали и, не выдержав страшного напора, разлетелись вдребезги. Слен вышел на волю...

* *

Директору цорка Людвигу Штрому пришлось провести очень Сеспокойную ночь. Он начал уже дремать, когда в дверь спальни осторожно постучал лакей и доложил, что пришел по неотложному делу Юнг. Служащие и рабочие цирка были хорошо вышколены, и Штром знал, что нужно было случиться чему-нибудь и обычайному, чтобы осмел лись побеспокоить его в такое неурочное время. В халате и туфлях на босу ногу он вышел в маленькую гостиную.

— Что случилось, Юнг? — спросил директор.

— Большое несчастье, господин Штром!.. Слон Хойти-Тойти сошел с ума!.. — Юнг таращил глаза и беспомощно разьодил руками.

— A вы сами... вполне здоровы, Юнг? — спросил Штром.

— Вы мне не верите? — обиделся Юнг. — Я не пьян и в своем уме. Если вы не ве ите мне, можете спросить и Иоганна, и Фридриха, и В льгельма. Они все видели. Слон выхватил у меня из рук метлу и написал на песке арены: «Я не животное, а челогек». Пот гон подбросил меня к куполу цирк и естнадцать раз, пошел в конюшни, вылемал ворота и усежал.

— Что?.. Убежал?.. Хсйти-Тойти убежал? Почему же вы сразу не сказ ли мне об этом, нелепый ны человек? Сейчас же надо прин ть меры к его поимке и возвращению, иначе он наделает бед.

Штром уже видел перед собой полицейские квитанции об уплате штрафа, длинные счета фермеров за потрав/ и судетные повестки о взыскании сумм за причиненные слоном убытки.

— Кто сегодня дежурный в цирке? Сообщили ли полиции? Какие меры приняли к поимке слона?

— Я дежурный и сделал все, что можно, — отвечал Юнг. — Полиции не сообщал-она сама узнает. Я побежал за слоном и умолял Хойти-Тойти вернуться, называл его бароном, графом и даже генералиссимусом. «Ваше сиятельство, вернитесь! — кричал я. — Вернитесь, ваша светлость! Простите, что я сразу не узнал вас: в цирке было темно, и я принял вас за слона». Хойти-Тойти посмотрел на меня, презрительно дунул хоботом и пошел дальше. Иоганн и Вильгельм гонятся за ним на мотоциклах. Слон вышел на Унтер-ден-Линден, прошел через весь Тиргартен по Шарлоттенбургер-шоссе и направился в лесничестью Грюневальд. Сейчас кущается в Гафеле.

Зазвонил телефон. Штром подошел к аппарату.

— Алло!.. Да, я... Я уже знаю, благодарю вас... Все возможное нами будет сделано... Пожарных? Сомневаюсь. Лучше не раздражать слона:

- Зеонили из полиции, сказал Штром, повесив трубку. Предлагают послать пожарных, чтобы загнать слона при помощи брандслойтов. Но с Хойти-Тойти надо обходиться очень осторожно.
- Сумасшелшего нельзя раздражать, заметил Юнг.
- Вас, Юнг, слон знает все-таки лучше, чем кого-либо другого. Постарайтесь быть возле него и лаской заманить в цирк.
- Конечно постараюсь... Гинденбургом что ли его назвать?..

Юнг ушел, а Штром так до утра и не ложился, выслушивая телефонные сообщения и давая распоряжения. Слон долго купался у Павлиньего острова, затем сделал набег на огород, поел всю капусту и морковь, закусил яблоками в соселнем саду и направился в лесничество Фриденсдорф. Все донесения говорили о том, что людей слон не трогал, напрасных разрушений не производил и вообще вел себя довольно благонравно. Когда шел—осторожно обходил огороды, чтобы не мять травы, стагался итти только по шоссе или проселочными дорогами. И лишь голод заставлял его лакомиться оеощами и фруктами в садах и огородах. Но и там он вел себя очень осторожно: не топтал понапрасну гряд, пожирал капусту аккуратно, грядку за грядкой, не ломал плодовых деревьев.

В шесть часов утра явился Юнг, усталый, запыленный, с потным грязным лицом, в мокрой одежде.

- Как дела, Юнг?
- Все так же. Хойти-Тойти не поддается ни на какие уговоры. Я назвал его «господином президентом», а он обозлился и бросил меня за это в озеро. У слонов мания величия очевидно протекает несколько в иных фогмах чем у людей. Тогда я начал убеждать его разумными доводами: «Вы может быть всображаете, — спросил я его, опасаясь титуловать, — что находитесь в Африке? Здесь вам не Африка, а пятьдесят два с половиной градуса северной широты. Ну, хорошо, сейчас август, всюду много плодов, фруктов, овощей. А что вы будете делать, когда наступят морозы? Вы же не будете питаться корой как козы? Имейте в виду, что у нас в Европе жили ваши прапрадеды — мамон-

ты, но померли из-за холода. Так не лучше ли вам итти домой, в цирк, где вы будете в тепле, сыты и одеты?» Хойти-Тойти внимательно выслушал эту речь, подумал и... обдал меня водой из хобота. Две ванны в продолжение пяти минут! С меня довольно! Если я не простужусь, будет удивительно...

III. Война объявлена.

Все попытки морального воздействия слона оказались напрасными, и Штром принужден был согласиться на решительные меры. В лесничество был напраглен отряд пожарных с паровыми трубами. Пожарные, руководимые полицией, подошли к слону на десять метров, выстроились полукругом и направили на огромное животное сильнейшие струи воды. Но слону очень понравился душ. Он только поворачивался то одним, то другим боком, шумно отфыркиваясь. Тогда десяток пожарных труб, соединив струи в одну, направили этот мощный поток на голову слона, прямо в глаза. Это слону не понравилось. Он заревел и двинулся на пожарных так решительно, что атакующие дрогнули и, шланги, разбежались. В один момент шланги были порваны, машины перевернуты.

С этого момента счета, которые должен был оплатить Штром, начали быстро возрастать. Слон был рассержен: Между ним и людьми была объявлена война, и он старался показать, что эта война не дешево обойдется людям. Он утопил в озере несколько пожарных автомобилей, разломал лесную сторожку, поймал одного полицейского и забросил его высоко на дерево. И если раньше он проявлял в своих действиях осторожность, то теперь был необуздан в своем вредительстве. Но и в этой разрушительной работе он проявлял все тот же необычайный ум и вреда он мог причинить гораздо больше, чем обыкновенный, хотя бы и взбесившийся слон.

Когда полицей-президент получил сообщ ние о событиях во Фридендорфском лесничестве, он отдал приказ: мобилизовать большие отряды полиции, вооружить их винтовками, оцепить лесничество и убить слона. Штром был в отчаянии: другого такого слона не найти. В глубине души директор уже примирился с тем, что придется платить за проделки слона: Хойти-Тойти все вернет с лихвой, только бы он одумался. Штром умолял полицей-президента задержать выполнение приказа, все еще надеясь как-нибудь овладеть строптивым слоном.

— Я могу дать вам десять часов, — ответил полицей-президент. — Все лесничество через час будет оцеплено. Если потребуется, то в помощь полиции я вызову войска.

Штром созвал экстренное совещание, в котором приняли участие чуть ли не все артисты и служащие цирка, присутствовали также директор зоологического сада со своими помощниками. Через пять часов после совещания лесничество было покрыто замаскированными ямами и капканами. Всякий обыкновенный слон попался бы в эти хитро расставленные ловушки. Но Хойти был Хойти. Он обходил заграждения, разрывая маскировку ям, не наступал на доски, которые были соединены с тяжелой болванкой, подвешенной на веревке. Такая болванка, упав на голову слона, могла оглушить и свалить его.

Срок истекал. Сильные отряды все теснее сжимали кольцо блокады. Полицейские с винтовками подходили к озеру, возле которого находился слон. Уже между стволами видна была огромная туша Хойти. Он набирал в хобот воды и, подняв его вверх, пускал целый фонтан, который рассыпался в воздухе и падал дождем на его широкую спину.

— Приготовься! — тихо скомандовал офицер. И затем крикнул:

— Огонь!

Грянул залп. Лесная чаща ответила многократным эхо. Слон дернул головой в сторону и, обливаясь кровью, направился прямо на людей. Полицейские стреляли, а слон, не обращая внимания на пули, продолжал бежать. Пули причиняли ему очень мало вреда. Полицейские были неплохие стрелки, но они не были знакомы с анатомией слона, и их пули не задевали жизненно важных центров слона — мозга и сердца. От боли и страха слон дико заревел, вытянул хобот вперед, потом быстро скатал его: хобот очень важный орган, без

хобота животное погибает, и потому слоны только в самом крайнем случае пользуются им как орудием обороны и нападения. Хойти пригнул голову, и его огромные бивни, длиной в два с половиной метра и весом по пятьдесят кило каждый, были направлены на врагов как страшные тараны. Земля дрожала под его ногами. Он был ужасен. Но дисциплина все же сдерживала людей: они продолжали стоять на месте, непрерывно стреляя.

Слон прорвал цепь, вырвался из блокады и скрылся.

За ним была организована погоня, однако поймать и даже настигнуть его было не так-то легко. Отряды полиции принуждены были двигаться по дорогам, а слон шел напролом, теперь уже не разбирая пути, через сады, огороды, поля, леса.

IV. Вагнер спасает положение.

Штром ходил по кабинету и в отчаянии повторял:

- Я разорен! Я разорен!.. Придется выбросить целое состояние, чтобы покрыть убытки, причиненные слоном, а самого Хойти-Тойти все же расстреляют. Какая потеря! Какая невознаградимая потеря!
- Телеграмма! сказал вошедший слуга, передавая Штрому на подносе бумажку.

«Кончено! — подумал директор. Вероятно это извещение о том, что слон убит... Телеграмма из СССР? Москва? Странно! От кого бы это?..»

«Берлин цирк Буша директору Штром

Только что прочитал газете телеграмму бегстве слона точка Просите немедленно полицию отменить приказ убийстве слона точка Пусть один из ваших служащих передаст слону следующее двоеточие кавычки Сапиенс Вагнер прилетает Берлин вернитесь цирк Буша точка кавычки Если не послушает запятая можете расстрелять точка Профессор Вагнер».

Штром еще раз перечитал телсграмму. «Ничего не понимаю! Профессор Вагнер очевидно знает слона, потому что указывает в телеграмме на его прежнюю кличку Сапиенс. Но почему Вагнер надеется, что слон вернется, узнав о приезде профессора в Берлин?.. Так или иначе, но телеграмма дает маленъкий шанс на спасение слона».

Директор начал действовать. Не без труда ему удалось уговорить полицей-президента «приостановить военные действия». К слону немедленно был отправлен на аэроплане Юнг.

Как настоящий парламентарий, Юнг помахал белым платком и, подойдя к слону, заявил:

— Глубокоуважаемый Сапиенс! Профессор Вагнер шлет вам привет. Он приезжает в Берлин и желает вас видеть. Место свидания — цирк Буша. Заявляю вам, что ни один человек вас не тронет, если только вы вернетесь обратно.

Слон внимательно выслушал Юнга, подумал, потом подхватил его хоботом, посадил себе на спину и мерной походкой направился в путь, обратно на север, к Берлину. Юнг таким образом оказался в роли заложника и охранителя: никто не осмелится стрелять в слона, потому что на его шее сидит человек.

Слон шел пешком, а профессор Вагнер со своим ассистентом Денисовым летел в Берлин на аэроплане и поэтому прибыл раньше его и немедленно отправился к Штрому.

Директор уже получил телеграмму о том, что Хойти-Тойти при одном упоминании о Вагнере опять сделался кротким и послушным и идет в Берлин.

- Скажите пожалуйста, при каких обстоятельствах вы приобрели слона и не знаете ли вы его истории? спросил Вагнер директора.
- Я купил его у некоего мистера Никс, торговца пальмовым маслом и орехами. Мистер Никс живет в Центральной Африке, на Конго, недалеко от города Матади. По его словам, слон сам явился к нему однажды, когда его дети играли в саду, и начал проделывать необычайные фокусы: поднимался на задние ноги и танцовал, жонглировал палочками, становился на передние ноги

и, упираясь в землю бивнями, поднимал задние и при этом так смешно махал хвостом, что дети Никса катались по лугу от смеха. Они назвали слона Хойти-Тойти, что по-английски, как вам вероятно известно, означает: «игривый, резвый», а иногда и междометие — нечто вроде «ну и ну!» К кличке этой слон привык, и мы оставили ее, когда его приобрели. Вот все документы о покупке. Все совершено легально, и сделка едва ли может оспариваться.

- Я не собираюсь оспаривать у вас сделку, сказал Вагнер. Не имеет ли слон каких-нибудь особых примет?
- Да, на голове его имеются большие рубцы. Мистер Никс предполагал, что это следы ран, полученных слоном при его поимке. Дикари ловят слонов довольно варварским способом. Так как эти швы несколько портили его вид и могли у публики вызывать неприятное чувство, то мы надевали ему на голову особую шапочку, расшитую шелками и украшенную кисточками.
- Так. Нет никакого сомнения, что это он!
 - Кто он? спросил Штром.
- Слон Сапиенс. Мой пропавший слон. Я поймал его, когда был в научной экспедиции в Бельгийском Конго, и выдрессировал его. Но однажды ночью он ушел в лес и больше не вернулся. Все поиски остались безуспешными.
- Значит вы все же предъявляете претензии на слона? -- спросил директор.
- Я не предъявляю, но слон сам может предъявить кое-какие претензии. Дело в том, что я дрессировал его новыми методами, которые дают поистине изумительные результаты. Вы сами могли убедиться, какого необычайного развития умственных способностей слона мне удалось достигнуть. Я бы сказал, что слон Сапиенс, или, как теперь он называется, Хойти-Тойти, в высокой степени обладает сознанием личности, если можно так выразиться. Когда я читал в газетах об изумительных способностях слона, выступавшего в вашем цирке, я тогда же решил, что только один мой Сапиенс способен на такие вещи: читать, считать и даже писатьведь я выучил его всему этому. И пока Хойти-Тойти мирно забавлял берлинцев,

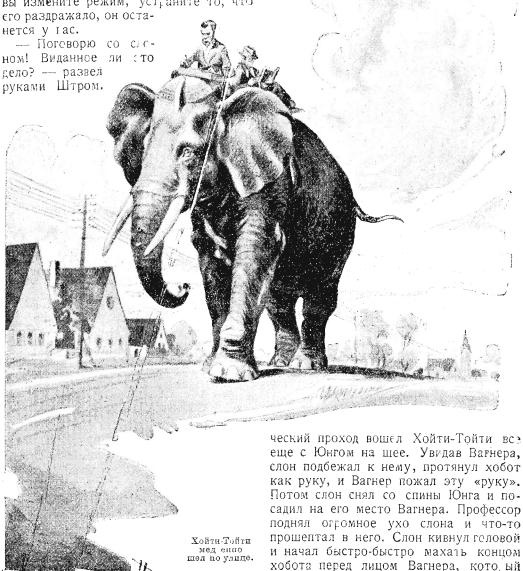
BCEMVOJOŇ CAEAONIDIT

повидимому довольный своей судьбой, я не считал нужным вмешиваться. Но слон взбунтовался. Значит он был чемто недоволен. Я решил притти к нему на помощь. Теперь он сам должен решить свою судьбу. Он имеет на это право. Не забывайте, что если бы я не явился во-время, слон давно уже был бы мертв - мы оба потеряли бы его. Насильно вы не заставите слона остаться у вас, в этом, надеюсь, вы уже убедились. Но не думайте, что я во что бы то ни стало хочу отнять у вас слена. Я поговорю с ним. Может быть, есля вы измените режим, устраните то, что єго раздражало, он оста-

— Хойти-Тойти всобще невиданный слон. Кстати, скоро он прибывает в Берлин?

-- Сегодня вечером. Он повидимому очень спешит на свидание с вами, он идет, как мне телеграфировали, со сксростью двадцати ки: ометров в час.

В тот же вечер по окончании представления в цирке состоялось свидание Хойти-Тойти с профессором Вагнером. Штром, Вагнер и его ассистент Д нисов стояли на арене, когда через артисти-

внимательно следил за этими движениями

Штрому не нравилась эта таинственность.

- Итак, что решил слон? спросил сн в нетерпении.
- Слон высказал желание взять отпуск, чтобы иметь возможность рассказать мне кое-какие интересные для меня вещи. После отпуска он соглашается вернуться в цирк, если только господин Юнг извинится перед ним за грубость и обещает никогда больше не прибегать к мерам физического воздействия. Удары для слона нечувствительны, но он принципиально не желает переносить никаких оскорблений.
- Я... бил слона?.. спросил Юнг, делая удивленное лицо.
- Палкой от метлы, продолжал Вагнер. Не отпирайтесь, Юнг, слон не лжет. Вы должны быть вежливы со слоном так, как если бы он был...
 - ...сам президент республики?
- ...как если бы он был человек, и не простой человек, а исполненный собственного достоинства.
 - Лорд? язвительно спросил Юнг.
- Догольно! крикнул Штром. Вы виноваты во всем, Юнг, и понесете за это наказание. Когда же думает... господин Хойти-Тойти уйти в отпуск и куда?
- Мы отправимся с ним в пешеходную прогулку, ответил Вагнер. Это будет очень приятно. Я и мой ассистент Денисов усядемся на широкой спине слона, и он повезет нас на юг. Слон выразил желание попастись на швейцарских лугах.

Денисову было всего двадцать три геда, но, несмотря на свою молодость, он уже с елал несколько научных открытий в области биологии. «Из вас будет толк», — сказал Вагнер и пригласил его работать в своей лаборатории. Молодой ученый был этому несказанно рад. Профессор также был доволен своим помощником и всюду брал его с собой.

— «Денисов», «Аким Иванович»,— все это очень длинно, — сказал Вагнер в первый день их общей расоты. — Если я буду каждый раз обращаться к вам: «Аким Иванович», то на это потрачу в год сорок восемь минут. А за сорок восемь

минут много можно сделать. И потому я вообще буду избегать называть вас. Если же нужно будет вас позвать, то я буду говорить: «Ден!» — коротко и ясно. А вы можете называть меня Ваг.—Вагнер умел уплотнять время.

К утру все было готово. На широкой спине Хойти-Тойти свободно разместились Вагнер и Денисов. Из вещей захватили только необходимое.

- Штром, иссмотря на ранний час, провожал их.
- A чем будет кормиться слон? спросил директор.
- В городах и селях мы будем показывать представления, сказал Вагнер, а зрители за это будут кормить слона. Сапиенс прокормит не только себя, но и нас. До свиданья!

Слон медленно шел по улицам. Но когда миновали последние дома города и перед путешественниками потянулась полоса шоссе, слон без понукания ускорил ход. Он делал не менее двенадцати километров в час.

— Ден, вам теперь придется иметь дело со слоном. И чтобы лучше понять его, вы должны познакомиться с его не совсем обычным прошлым. Вот возьмите эту тетрадку. Это путевой дневник. Он написан вашим предшественником Песковым, с которым я совершал путешествие в Конго. С Песковым случилась одна трагикомическая история, о которой я как-нибудь расскажу вам. А пока — читайте.

Вагнер уселся поближе к голове слона, разложил перед собой маленький столик и начал писать сразу в двух тетрадях — правой и левой рукой. Меньше двух дел Вагнер никогда не делал.

— Итак, рассказывайте!— сказал он, обращаясь повидимому к слону. Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

-- Φ - Φ Φ - Φ Φ - Φ Φ - Φ Φ ...

«Точно азбука Морзе», — подумал Денисов, раскрывая толстую тетрадь в клеенчатом переплете.

Вагнер левой рукой записывал то, что диктовал ему слон, а правой писал научную габоту. Слон продолжал итти ровным шагом, и плавное покачивание почти не затрудняло писания. Денисов начал читать дневник Пескова и быстро увлекся чтением.

Вот содержание этого дневника.

V. «Человеком Рингу не быть...»

«27 марта. Мне кажется, что я попал в кабинет Фауста. Лаборатория профессога Вагнера удивительна. Чего только здесь нет! Физика, химия, биология, электротехника, микробиология, анатомия, физиология... Кажется, нет области знания, которой не интересовался бы Вагнер, или Ваг, как он просит себя называть. Микроскопы, спектроскопы, электроскопы... всяческие «скопы», которые позволяют видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Потом идут такие же «вооружения» для уха: ушные «микроскопы», при помощи которых Вагнер слышит тысячи новых звуков: «и гад морских подводный ход и дальней лозы прозябанье». Стекло, медь, алюминий, каучук, фарфор, эбонит, платина, золото, сталь — в самых различных формах и сочетаниях. Реторты, колбы, змеевики, пробирки, лампы, катушки, спирали, шнуры, выключатели, рубильники, кнопки... Не отражает ли все это сложность мозга самого Вагнера? А в соседней комнате целый паноптикум: там Вагнер выращивает ткани человеческого тела, питает живой палец, отрезанный у человека, кроличье ухо, сердце собаки, голову барана и... мозг человека. Живой, мыслящий мозг! Мне приходится ухаживать за ним. Профессор разговаривает с мозгом, нажимая пальцем на поверхность. А питается мозг особым физиологическим раствором, за свежестью которого я должен следить. С некоторых пор Ваг изменил состав раствора, начал «усиленно питать мозг» и — удивительно! — мозг очень быстро разгастаться. Нельзя сказать, чтобы этот мозг, величиной с большой арбуз, представлял красивое зрелище.

- 29 марта. Ваг о чем-то усиленно совещается с мозгом.
- 30 марта. Сегодня вечером Ваг сказал мне:
- Это мозг одного молодого немецкого ученого Ринга. Человек погиб в Абиссинии, а мозг его, как видите, продолжает

жить и мыслить. Но в последнее время мозг загрустил. Глаз, который я приделал мозгу, не удовлетворяет его. Он хочет не только видеть, но и слышать, не только неподвижно лежать, но и двигаться. К сожалению он высказал это желание несколько поздно. Скажи он об этом раньше, я пожалуй сумел бы удовлетворить это желание. Я смог бы найти в анатомическом театре труп, подходящий по размеру, и пересадить мозг Ринга в его голову. Если только тот человек умер от мозговой болезни, то при пересадке нового, здорового мозга мне удалось бы оживить мертвеца. И мозг Ринга получил бы новое тело и всю полноту жизни. Но дело в том, что я проделывал опыт разращения тканей, и теперь, как вы видите, мозг Ринга настолько увеличился, что не войдет ни в один человеческий череп. Человеком Рингу не быть.

- Что вы этим хотите сказать? Что Ринг может быть кем-то иным кроме человека?
- Вот именно. Он может быть, ну хотя бы слоном. Правда, до величинь слоновьего его мозг еще не дорос, но это дело наживное. Надо только позаботиться о том, чтобы мозг Ринга принял нужную форму. Мне скоро пришлют череп слона, я посажу в него мозг и буду продолжать наращивать его ткани, пока они не заполнят всю полость черепа.
- Не хотите же вы сделать из Ринга слона?
- А почему бы нет? Я уже говорил с Рингом. Его желание видеть, слышать, двигаться и дышать так велико, что он согласился бы быть даже свиньей и собакой. А слон—благородное животное, сильное, долговечное. И он, то-есть мозг Ринга, может прожить еще сто—двести лет. Разве это плохая перспектива? Ринг уже дал свое согласие»...

Денисов прервал чтение дневника и обратился к Вагнеру:

- Скажите, так неужели же слон, на котором мы едем...
- Да, да, имеет человеческий мозг, отвечал Вагнер, не переставая писать. Читайте дальше и не мешайте мне.

Денисов замолчал, но он не сразу вернулся к чтению дневника. Мысль,

что слон, на котором они сидят, обладает человеческим мозгом, казалась ему чудовищной. Он смотрел на животное с чувством жуткого любопытства и почти суеверного ужаса.

«31 марта. Сегодня прибыл череп слона. Профессор распилил череп продольно через лоб.

— Это для того,—сказал он,—чтобы вложить мозг и чтобы удобнее было вынуть его, когда нужно будет переложить его из этого черепа в другой.

Я осмотрел внутренность черепа и был удивлен сравнительно небольшим пространством, которое предназначено для заполнения мозгом. Снаружи слон представляется гораздо «умнее».

— Из всех сухопутных животных,—продолжал Ваг,—слон имеет наиболее развитые лобные пазухи. Видите? Вся верхняя часть черепа состоит из воздушных камер, которые неспециалист принимает обычно за мозговую коробку. Мозг же, сравнительно совсем небольшой, запрятан у слона очень далеко, вот где, примерно это будет в области уха. Поэтому-то выстрелы, направленные в переднюю часть головы, и не достигают обычно цели: пули пробивают несколько костяных перегородок, но не разрушают мозга.

Мы с Вагом проделали несколько дыр в черепе, для того чтобы провести через них трубки, снабжающие мозг питательным раствором, а затем осторожно вложили мозг Ринга в одну из половинок черепа. Мозг еще далеко не заполиил предназначенного для него помещения.

— Ничего, в дороге дорастет, — сказал Ваг, придвинув вторую половину черепа.

Признаюсь, я очень мало верю в удачу опыта Вага, хотя и знаю о многих его необычайных изобретениях. Но здесь дело чрезвычайно сложно. Надо преодолеть огромные препятствия. Прежде всего необходимо раздобыть живого слона. Выписать его из Африки или Индии было бы слишком дорого. Притом слон может по той или иной причине оказаться неподходящим. Поэтому Ваг решил везти мозг Ринга в Африку, на Конго, где он уже бывал, поймать там слона и произвести операцию пересадки мозга. Про-

извести пересадку! Легко сказать! Это не то, что переложить перчатки из кармана в карман. Надо будет найти и сшить все окончания нервов, все вены и артерии. Несмотря на сходство анатомии человека и животного, все же различия велики. Как Вагу удастся спаять воедино эти две системы? И ведь вся эта сложная операция должна быть проделана над живым слоном...»

VI. Обезьяний футбол.

«27 июня. Приходится писать залпом за целый ряд дней. Путешествие было богато не одними удовольствиями. Уже на пароходе, и в особенности на лодке, нам начали досаждать москиты. Правда, когда мы ехали по середине реки, еще широкой как озеро, их было меньше. Но достаточно было полплыть ближе к берегу, как нас окружала целая туча москитов. Во время купанья нас облепляли черные мухи и сосали кровь. Когда мы высадились на берег и двинулись пешком, нас стали преследовать новые враги: мелкие муравьи и песочные блохи. Каждый вечер нам приходилось осматривать ноги и сметать этих блох. Змеи, многоножки, пчелы и осы также доставляли нам немало хлопот.

Не легко давалось передвижение в лесной чаще. А на открытых местах ходить было едва ли не труднее: трава густая, стебли толстые, высотой до четырех метров. Идешь между двумя зелеными стенами - ничего не видать вокруг. Жутко! Острые листья царапают лицо и руки. Подомнешь траву ногамипутается, обвивается вокруг ног. В дождь на листьях скапливается вода и льет на тебя как из ушата. Двигаться приходилось гуськом по узким тропам, проложенным в лесах и степях. Такие дорожки — единственные пути сообщения в этих местах. Нас шло двадцать человек, из них восемнадцать --- носильщики и проводники из негритянского племени фанов.

Наконец мы у цели. Расположились лагерем на берегу озера Тумба. Наши проводники отдыхают. Они увлечены ловлей рыбы. С большим трудом приходится отрывать их от этого занятия, чтобы заставить помочь нам устроиться

на новом месте. У нас две больших палатки. Место для лагеря выбрано удачно — на сухом холме. Трава невысокая. Кругом видно далеко. Мозг Ринга благополучно перенес путешествие, чувствует себя удовлетворительно. С нетергением ожидает возвращения в мир звуков, красок, запахов и прочих ощущений. Ваг утешает его, что теперь не долго осталось ждать. Он занят какими-то таинственными приготовлениями.

29 июня. У нас переполох: фаны нашли свежие следы льва согсем недалеко от нашего лагеря. Я раслаковал ящик с ружьями, роздал ружья тем, которые заявили, что умеют стрелять, и сегодня после обеда устроил пробную стрельбу. Это нечто ужасное! Они прикладывают ложе ружья к животу или колену, кувыркаются от отдачи и пускают пули с отклонением ст цели на сто восемьдесят градусов. Зато их увлечение превосходит все границы. Крик стоит неимоверный. Этот крик пожалуй соберет к нам голодных зверей со всего бассейна Конго.

30 июня. Прошлой ночью лев был совсем близко от нашего лагеря. После него остались вещественные доказательства: он растерзал дикую свинью и съел ее почти без остатка. Череп у свиньи расколот как орех, а ребра искрошены на мелкие куски. Не хотел бы я попасть в такую костоломку!

Фаны напуганы. Как только наступает вечер, они собираются к нашим палаткам, зажигают костры и поддерживают пламя всю ночь. Мне стал понятен страх первобытного человека перед ужасным зверем. Когда лев рычит, — а я уже несколько раз слышал его рык, -- со мною творится что-то неладное: в крови просыпается страх далеких предков и сердце останавливается в груди. Даже бежать не хочется, а хочется сидеть съежившись или зарыться в землю как крот. А Ваг как будто не слышит львиного рыка. Он попрежнему что-то мастерит в своей палатке. Сегодня после завтрака он вошел ко мне и сказал:

— Завтра утром я пойду в лес. Фаны говорили, что к озеру ведет старая слоновья тропа. Слоны ходили на водолой недалеко от нашей стоянки. Но они

часто меняют пастбища. Проделанная ими в лесу «просека» начала уже зарастать. Значит они ушли куда-нибудь дальше. Надо будет разыскать их.

- Но вы знаете, конечно, что к нам пожаловал лев? Не рискуйте отправляться один без ружья, предупредил я Вага.
- Мне не страшны никакие звери, ответил он. Я слово такое знаю, заговор. И его густые усы начали шевелиться от скрытсй улыбки.

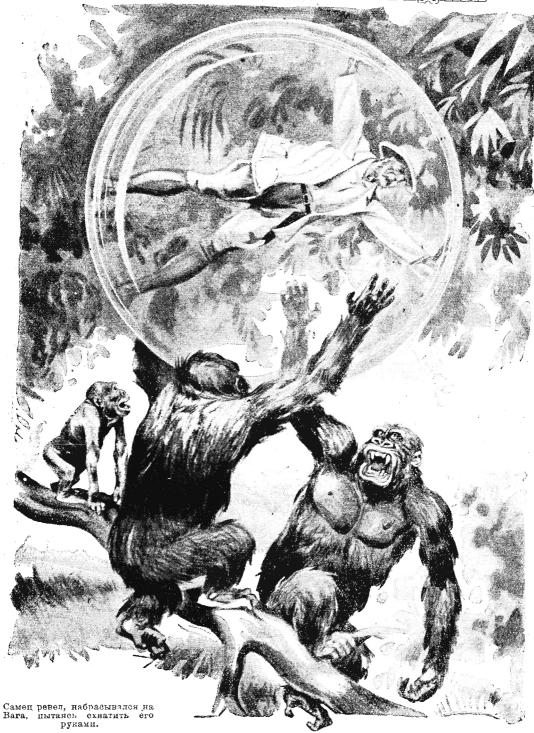
— И отправитесь в лес без ружья? Ваг утвер ительно киенул головсй.

2 июля. Любопытные дела прсизошли за это время. Ночью опять рычал лев, и у меня от жути стягивало живот и холодело под сердцем. Утром я мылся у стоей пелатки, когда из соседней вышел Ваг. Он был в белом фланелевом костюме, в пробочном шлеме и в крепких ботин ах с толстыми подошвами. Костюм походный, но ни сумки ни ружья за плечом. Я приветствовал Bara с добрым утром Он кивнул мне головой и, как мне показалось, осторожно ступая, двинулся вперед. Постепенно шаг его д лал я все увереннее, и након ц он зашагал своей обычной ровной и скорой походкой. Так дошел он до спуска с нашего холма. Когда дорога начала становиться покатой, Ваг поднял руки вверх и... тут случилось нечто необыкновенное, заставившее меня и всех фанов ескрикнуть от удивления.

Тело Вага начало сначала медленто, а затем все быстрее вращаться в возд/хе, так если бы он кувыркался на трапеции в вытянутом положении: на мгновенье оно принимало горизонтальное положение, затем голова оказывалась внизу, а неги вверху; описывая круги, неги и голова продолжали меняться местами. Нак нец вращение его тела усилилось настолько, что ноги и голова слились в туманный круг, а середина туловища выступала как темное ядро. Так продолжатось до тех пор, пока Ваг не достиг по ножия холма. Прокувыр авшись несколько метров уже на ровном месте, он выпрямился и пошел по направлению к лесу стоим обычным шагом.

Я ничего не мог понять, фаны — тем солее. Они сыли не только удивлены, но и напуганы: ведь то, что они видели,

BCEMIPHON CATAONDIT

конечно было для них сверхъестественным явлением. Для меня же это кувыркание представляло только одну из загадок, которые частенько задавал мне Ваг.

Но загадки загадками, а лев остается льеом. Не слишком ли Ваг понадеялся на себя? Я знаю, что собаку можно испугать «сверхъестественным» явлени-

BEEMPHN CAEAOILL

ем: попробуйте обвязать кость тонкой ниткой или волосом и бросьте ее собаке. Когда она захочет взять кость, потяните за нитку. Кость вдруг двинется по полу, как бы убегая от собаки. Собака будет испугана этим необычайным событием и, поджав хвост, убежит от «ожившей» кости. Но убежит ли лев, поджав хвост, от кувыркающегося в воздухе Вага? Это большой вопрос. Я не могу оставить Вага без охраны.

И, захватив ружья, в компании четырех наиболее храбрых и толковых фанов я отправился следом за Вагом. Не замечая нас, он шел впереди по довольно широкой лесной просеке, проложенной слонами. Тысячи животных, ходивших на водопой, утрамбовали ее. Только местами попадались на пути небольшие упавшие стеолы или сучья. Каждый раз, когда встречалось такое препятствие, Ваг останавливался, как-то странно поднимал ногу вверх - гораздо выше, чем это требовалось, -- и делал широкий шаг. Иногда вслед за этим его тело, не сгибаясь, наклонялось вперед, потом выравнивалось в вертикальном положении, и он продолжал итти. Мы следовали за ним на инекотором расстоянии. Впереди показался яркий свет. Дорога расширялась и выходила на лесную поляну.

Ваг вышел из тени и шел уже по освещенной поляне, когда я услышал какое-то странное рокотание или ворчание, которое могло принадлежать только большому рассерженному или потревоженному зверю. Но это рокотание не напоминало львиного рева. Фаны шопотом называли эверя, но я не знал местных названий. Судя по лицам и движениям моих спутников, они боялись зверя, издающего это ворчание, не меньше чем льва. Однако они не отставали от меня, а я, чуя недоброе, ускорил шаг. Когда я вышел на поляну, то увидел любопытную картину.

Направо от меня, метрах в десяти от леса сидел на земле детеныш гориллы ростом с десятилетнего мальчика. На некотором расстоянии от него — серовато-рыжая горилла-самка и огромный самец. Ваг шел довольно быстро по ровной поляне и очевидно прежде чем заметил зверей, сидевших на траве, оказался между детенышем и его родите-

лями. Самец, увидав человека издал тот ворчащий хриплый звук, который я услышал еще в лесу. Ваг уже заметил зверей: он смотрел в сторону гориллысамца, но продолжал итти своим обычным шагом. Маленькая горилла, увидав человека, вдруг завизжала, залаяла и поспешно взобралась на невысокое дерево, стоявшее недалеко от нее.

Самец издал второй предостерегающий звук. Гориллы избегают человека. но если нужда заставляет их вступать в бой, то они проявляют неустрашимость и необычайную свирепость. Видя, что человек не уходит назад, и очевидно боясь за своего детеныща, самец вдруг поднялся на ноги и принял воинственную позу. Я не знаю, найдется ли зверь более страшный, чем это уродливое подобие человека. Самец был огромного для обезьяны роста — не меньше среднего роста четовека, -- но его грудная клетка показалась мне чуть не вдвое шире человеческой. Туловище непропорционально велико. Длинные руки толсты как бревна. Кисти и ступни -непомерной длины. Под сильно выдающимися надбровными дугами виднеются свиреные глаза, а оскаленный рот сверкает огромными зубами.

Зверь начал ударять по своей бочкообразной грудной клетке косматыми кулачищами с такой силой, что внутри у него загудело, как в пустой сорокаведерной бочке. Потом он зарычал, залаял и, опираясь о землю левой рукой, побежал по направлению к Вагу.

Признаюсь, я был так взволнован, что не мог снять с плеча ружья. А горилла в несколько секунд перебежала отделявшее ее от Вага пространство и... но тут опять случилось нечто необычайное.

Зверь со всего размаха ударился о какую-то невидимую преграду, зарегел и упал на землю. Ваг не упал, а перевернулся в воздухе, как на трапеции, с приподнятыми вверх руками и вытянутым телом. Неудача еще больше рассердила зверя. Он вновь поднялся и еще раз попытался прыгнуть на Вага. На этот раз он перелетел через его голову и вновь упал. Самец пришел в бешенство. Он заревел, залаял, зарычал, начал плеваться пеной и набрасываться на Вага, пытаясь охватить его своими чудовишно

длинными руками. Но между гориллой и Вагом существовала какая-то невидимая, но надежная преграда. Судя по положению рук гориллы, я понял, что это должен быть шар. Невидимый, прозрачный как стекло, не дающий никаких бликов и крепкий как сталь. Вот в чем должна была состоять очередная выдумка Вага!

Убедившись в полной его безопасности, я начал с интересом следить за этой необычайной игрой. Мои фаны танцовали от восхищения и даже побросали ружья. А игра становилась все оживленнее.

Горилла-самка, кажется с неменьшим любопытством чем мы, следила за своим остервеневшим супругом. И вдруг, издав воинственный вой, она побежала к нему на помощь. И тут игра приобрела новый характер. В азарте гориллы набрасывались не невидимый шар, и он начал перелетать с места на место как заправский футбольный мяч. Не весело находиться внутри этого мяча, если в роли азартных футболистов выступают гориллы! Вытянутое в струнку тело Вата все чаще вертелось колесом, перелетая с места на место. Теперь я понял, почему тело его вытянуто, а руки приподняты вверх: ногами и руками он упирается в стенки шара, чтобы не разбиться. Стенки должны быть необычайно прочны. Когда гориллы нападали на шар одновременно с двух сторон и сразбега «выжимали» его вверх, он подпрыгивал метра на три и все же не разбивался, падая на землю. Однако Ваг видимо начал уставать. Продержаться в вытянутом положении с напряженными мускулами долго нельзя. И вот я увидел, что Ваг вдруг согнулся и упал на дно шара.

Дело принимало серьезный оборот. Больше нельзя было оставаться только зрителями. Я крикнул фанам, заставил их поднять с земли ружья, и мы направились к шару. Но я запретил туземцам стрелять без моего приказания, опасаясь, как бы они случайно не попали в Вага: я не знал, может ли невидимый шар устоять против пули. Притом—шар не мог быть сплошным, — иначе Ваг задохся бы, — в шаре должны быть отверстия, сквозь которые пули могли в него проникнуть.

Мы приолижались с шумом и криког, чтобы обратить на себя внимание, и нам удалось достигнуть этого. Самец первый повернул голову в нашу сторону и угрожающе заревел. Видя, что это не производит впечатления, он двинулся нам навстречу. Когда он отошел в сторону от шара, я выстрелил. Пуля попала горилле в грудь, - я видел это по струе крови, залиешей серовато-рыжую шерсть. Зверь закричал, схватился рукой за рану, но не упал, а побежал ко мне навстречу еще быстрее. Я выстрелил вторично и попал в плечо. Но в этот момент он был уже возле меня и вдруг схватил лапой дуло моего ружья. Выхеатив ружье с необычайной силой, зверь на моих глазах согнул ствол и надломил его. Не удовлетворившись этим, он схватил ствол в зубы и начал грызть єго как кость. Потом, неожиданно пошатнувшись, он упал на землю и начал судорожно подергивать конечностями, не выпуская изуродованного ружья. Самка поспешила скрыться.

— Вы не очень пострадали? — услышал я голос Вага, как будто доносившийся издалека. Неужели я стал плохо слышать оттого, что горилла помяла мне бока?

Я поднял глаза и увидел Вага, стоявшего надо мной. Теперь, когда он был возле меня, я заметил, что вокруг его тела находилась как бы туманная оболочка. Присмотревшись еще внимательнее, я убедился, что вижу не оболочку, которая была абсолютно прозрачна, а следы лап горилл и местами налипшую на поверхности шара грязь.

Ваг повидимому заметил мой взгляд, устремленный на эти пятна его невидимой сферы. Он улыбнулся и сказал:

— Если почва влажная или грязная, то на поверхности шара остаются некоторые следы, и он становится видимым. Но ни песок ни сухие листья не пристают к нему. Если вы в силах — поднимайтесь, идем домой. По пути я расскажу вам о своем изобретении.

Я поднялся и посмотрел на Вага. Он тоже немного пострадал: на его лице кое-где виднелись синяки.

— Ничего, до свадьбы заживет, — сказал он. — Это мне наука. Оказывается, в дебри африканских лесов нельзя

ходить без оружия, если даже находишься вот в этаком неприступном шаре. Кто бы мог подумать, что я скажусь внутри футбольного мяча!

изобретен особый металл, прозрачный как стекло, или стекло, крепное как металл? Из э ого материала построен, говорят, военный аэтоплан. Удобство єго вполне понятно: он почти не виден врагу. Говорю, почти, потому что летчик должен быть виден, так же как виден я сквозь мой шар. Так вот, я уже давно думал о том, чтобы устроить такую «крепость», которая не мешала бы мне есе видеть, наблюдать жизнь животных и зашишала бы, если звери уви-

— И вам пришло в голову такое сравнение?

Ваг изучает язык обезьян.

— Разумеется. Итак, слушайте. Рам не приходилось читать, что в Америке

дят и нападут на меня. Я проделал несколько опытов и достиг цели. Этот шар сделан из каучука. О, люди еще далеко не использовали всех качеств этого необычайно полозного материала. Именно каучук мне удалось сделать прозрачным как стекло и прочным как сталь. Несмотря на сегодняшнее не совсем приятное приключение, которое могло бы окончиться еще неприятнее, если бы вы не пришли во-время ко мне на помощь, я считаю свое изобретение очень удачным и целесообразным. А гориллы? Кто бы мог думать, что я естречу их здесь? Правда, это догольно дикоз местечко, но гориллы обы новенно живут веще более диких, непроходимых дебрях.

- Но как вы передвигаетссь?
- Очень просто. Разве вы не видите? Я наступаю подошеой ноги на внутреннюю стенку шара и тяжестью своего тела заставляю его катиться вперед. На поверхности шара имеются отверстия для дыхания. Шар состоит из д ух половинок, я вхожу в него и закрываюсь, стягивая особые ремни, сделанные из прозрачного каучука. Пожалуй некоторым неудобствем является то, что на уклонах бывает трудно задержать шар, он начинает катиться быстро, и тогда приходится заниматься физкультурый. Но почему бы и не заняться?»

VII. Невидимые пути.

«20 июля. Опять перерыв в моем дневнике.

Слоны очегидно ушли очень далеко. Нам пришлось сняться с лагеря и итти по слововьей тропе несколько дней, пока мы наконец не встретили более свежих следов стода. А еще через два дня наши фаны разыскали место слоновьего водспоя. Фаны - опытные охотники на слонов, они знают много способов довли. Но Ваг предпочел свои оригинальные способы. Он приказал принести к слоновьей тропе ящик и начал вынимать из него что-то невидимое. Фаны в суеверном ужасе смотрели на руки человека, которые делали такие движения, слогно что-то брали и перекладывали, хотя это «что-то» сыло невидимо как воздух. Наверное они считают Вагнера великим кудесником.

Ваг мне еще ничего не сказал, но я уже догадался, что он вынимает из ящика приспособления для логли, сделанные, как и шар, из того же невидимого материала.

 Подойдите и попробуйте, — сказал мне Вагнер, видя, что я умираю от любопытства.

Я подошел, пощупал воздух и вдруг зажал в руке канатик не менее сантиметра в диаметре.

- Каучук?
- Да, одна из бесчисленных разновилностей каучука. На этот раз я сделал его гиб им как веревка. Но прочность стали и незримость остаются те же, что и в материале шага. Из этих невидимых пут мы сделаем петли и разложим их на пути следования слона. Животное зап тается и будет в наших руках.

Нельгя сказать, что бы это была легкая расота — расстилать на земле невидимые веревки и завязывать из них петли. Мы сами не раз падали, зацепившись гогой за «веревку». Но к вечегу работа была закончена, и нам оставалось только ждать слонов.

Была прекрасная тролическая ночь. Джуггли наполнились неведомыми шорохами и вздохами. Иногда словно ктото плакал, — быть может маленькая зверюшка, расстававшаяся с жизнью, — иногда слышались раскаты дикого смеха, от которого, как от струи холодного воздуха, ежились фаны.

Слоны подошли незаметно. Огромный вожак шел несколько впереди стада, вытянув длинный хобот и беспрерывно деигая им. Он вбирал в него тысячи ночных запахов, классифицировал их, отмечая те, которые таили в себе как ю нибудь отастость. За несколько метгов до наших невидимых заграждений слон вдруг приостановился и вытянул хобот так прямо, как мне никогда не приходилось видеть. Он к чему-то усиленно принюхивался. Быть может он услышал запах наших тел, хотя по совету фанов мы незадолго до заката солнца выкупались в озеге и выстирали наше белье: ведь на экваторе приходится потеть весь день.

 Плохо дело, — шепнул Ваг. — Слон разнюхал наше присутствие, и я полагаю, что он учуял запах не наших тел, а каучука. Об этом я не подумал...

Слон был в явной нерешимости. Очееидно ему приходилось знакомиться с каким-то новым для него запахом. Чем угрожает этот неведомый запах. Слон нерешительно двинулся вперед, быть может для того, чтобы ближе познакомиться с источником странного запаха. Он спелал несколько шагов и попал в первую петлю. Дернул передней ногой, но невидимое препятствие не отпускало ногу. Слон начал натягивать «веревку» есе сильнее. Мы видели, как сжимается кожа немного выше его ступни. Гигант подался назад всем корпусом так, что зад его почти коснулся земли. Кожа огромной толщины слоновья кожа — не выдержала: она лопнула от давления «веревки», и по ноге потекла густая темная кровь.

А «веревка» Вага выдерживала необычайное натяжение.

Мы уже торжествовали победу. Но тут случилось непредвиденное. Толстое дерево, к которому была привязана «веревка», рухнуло, словно подсеченное топором. Слон от неожиданности упал назад, быстро поднялся и, повернувшись, скрылся, тревожно трубя.

- Теперь дело пропало!—сказал Вагнер.—Слоны не подойдут к тому месту, где мы растянем наши невидимые, но ощутимые для них по запаху тенета. Или мне придется заняться химической дезодорацией 1). Химической... Гм... Запахи... так...—Вагнер о чем-то глубоко задумался.
- А почему бы нет? продолжал он. Видите ли, какая мысль пришла мне в голову: можно было бы попробовать применить для поимки слона химические средства, например газовую атаку. Нам надо не убить слона это было бы сделать не трудно, а привести его в бессознательное состояние. Мы вооружимся противогазовыми масками, захватим с собой баллон с газом и пустим газ вот на эту лесную дорожку. Окружающая зелень очень густа это настоящий зеленый туннель, газ будет довольно хорошо сохраняться... А есть средство и еще проще!..

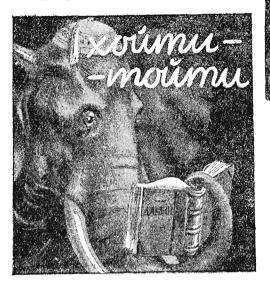
Вагнер вдруг рассмеялся. Какая-то мысль показалась ему очень забавной.

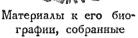
— Теперь нам надо только выследить, куда будут ходить слоны на водопой. Сюда они едва ли вернутся...»

(Окончание в следующем номере)

¹⁾ Дезодорация-уничтожение запаха.

ИЗОБРЕТЕНИЯ!

А. Беляевым

(Окончание)

IX. «Слоновья водка».

«21 июля. Фаны нашли новое место водопоя. Это было небольшое лесное озеро. И когда слоны, напившись, ушли в чащу, Ваг, я и туземцы принялись за работу. Мы разделись, вошли в воду и начали вбивать в дно колья тесным рядом, отгораживая небольшую часть озера. Затем мы плотно обмазали глиной подводную стену. Получилось нечто вроде садка. Плотина отделила часть озера как раз в том месте, куда приходили на водопой слоны.

— Отлично, — говорил Ваг. — Теперь нам остается только «отравить» воду. Для этого у меня есть очень хорошее средство, совершенно безвредное, но действующее сильнее алкоголя.

Ваг проработал несколько часов в своей лаборатории и наконец вынес оттуда ведро «слоновьей водки», как он выразился. Эта водка была вылита в воду. Мы взобрались на дерево и приготовились наблюдать.

—А будут ли слоны пить вашу водку? — спросил я.

— Надеюсь, она покажется им достаточно вкусной. Ведь пьют же водку медведи. И даже делаются настоящими алкоголиками. Тсс!.. Кто-то идет...

Я посмотрел на «арену» — она была очень велика.

Сделаю маленькое отступление. Надо сказать, что меня все время поражало пейзажное и архитектурное разнообразие тропического леса. Местами идешь по «трехъэтажному» лесу: небольшой подлесок кустарников и невысоких де-

ревьев едва покрывает голову. Над этим лесом поднимается второй лес, высота которого примерно такова, как в наших северных лесах. Наконец, над ним высится третий лес, состоящий из огромных дегевьев. Между первым и вторым рядом крон имеются пустые пространства, заполняемые только нитями и канатами разных ползучих растений. Такой тройной лес представляет необычайно красивое зрелище. Высоко над головой зеленые пещеры, водопады зелени, ниспадающие с уступа на уступ, зеленые горы, уходящие в высь. И все это расцвечено перьями птиц и яркими цветами орхидей.

Потом сразу попадаешь словно в величественный готический храм с лесом исполинских колонн, поднимающихся от мшистой земли к едва различимому куполу. Еще несколько шагов-и новая перемена: ты-в чаще, в непроходимых дебрях. Листья сбоку, впереди, сзади, сверху. Мох, трава, листья, цветы внизу-по самые плечи. Словно очутился в зеленом водовороте. Ноги путаются в мягкой зелени или спотыкаются на упавшие деревья. И вот, когда окончательно обессилешь и кажется, что безнадежно увяз в болоте сплошной зелени, неожиданно раздвигаешь кусты и останавливаешься, пораженный: ты в огромной круглой пещере с зеленым сводом.

Нег моверной толщины «столо» подпирает купол этой пещеры. На земле—ни травинки, хоть в крокет играй. Дерево-великан сгоею тенью погубило кругом всю растительность, не пропуская ни одного луча солнца. Ветви его спустились до земли и вросли в нее. Здесь царят мрак и прохлада. Нам не раз приходилось отдыхать в тени таких гигантов—баобабов, каучукового дерева, индийской смоковницы.

Такое же огромное дерево дало нам приют на своих ветвях. Оно стояло совсем недалеко от воды, и таким образом все звери, идущие по слоновьей тропе, должны были пройти «арену», прежде чем подойти к берегу. На этой «арене» очевидно происходило немало лесных драм. Там и сям виднелись обглоданные кости антилоп, буйволов и кабанов. Недалеко начинались степи, поэтому сюда на водопой частенько заходили и животные саванн.

На «арену» вышел кабан. Следом за ним появилась кабан иха и восемь маленьких кабанят. Вся семья направилась к воде. Через минуту явились еще пять самок, принадлежавших очевидно к той же семье. Кабан подошел к воде и начал пить. Но тотчас же поднял рыло, неодобрительно фыркнул и перешел на другое место. Попробовал— не нравится. Замотал головой.

- Не пьет, шепнул я Вагу.
- Не раскушал, так же тихо ответил он.

Он оказался прав. Скоро кабан перестал мотать головой и начал пить воду. Но кабаниха волнова ась и, как мне показалось, кричала своим кабанятам, чтобы они не пили. Однако скоро и она вошла во вкус. Кабан, самки и кабанята пили очень долго - дольше обыкновенного. На кабанятах опьянение сказалось прежде всего: они вдруг начали визжать, бросаться друг на друга, бегать по «арене». Все шесть самок опьянели вслед за кабанятами. Они шатались и, повизгивая, принялись выделывать необычайные движения - брыкались, становились на дыбы, катались по земле и даже кувыркались через голову. Потом они свалились и уснули вместе с поросятами. Но кабан оказался буйным во хмелю. Он свирепо хрюкал, нападал на огромный ствол дерева, стоявший посреди «арены», и вонзал в кору кинжалы-клы-ки с такой силой, что потом едва мог вытянуть их.

Мы так заинересовались проделками пьяного кабана, что не заметили, как подошли слоны. Мерно ступая, один за другим выходили они из зеленой просеки. В это время площадка вокруг ствола действительно напоминала цирковую арену. Но ни один цирк не видал такого громадндго количества четвероногих артистов. Признаюсь, мне стало срашно от этого количества слоновьих тушь Слоны показались мне похожими на огромных крыс. Их было больше двух десятков.

Но что проделывает этот пьянчужкакабан! Вместо того чтобы спасаться подобру-поздорову, он вдруг угрожающе захрюкал и стрелой помчался навстречу стаду слонов. Бэльшой слон, шедший впереди, очевидно не ожидал нападения. Он опустил голову и с любопытством смотрел на бегущего зверя. А кабан, подбежав к слону, ударил его клыками в ногу. Слон быстро свернул хобот, наклонил голову еще ниже и, поддев кабана на бивни, отбросил его так далеко, что тог упал в воду.

Кабан захрюкал, забарахтался, выбрался на берег, хлебнул наспех еще несколько глотков, как бы для храбрости, и вновь побежал к слону. Но слон на этот раз был осторожнее, он ожидал кабана с опущенными бивнями. Кабан наскочил на бивни и был распорот. Слон стряхнул издыхающего зверя с бивней и наступил на него ногой. От кабана остались только голова и хвост. Туловище и ноги были размолоты в кашу.

Тою же спокойной мерной поступью, как будто ничего не случилось, слонвожак прошел через «арену», осторожно обошел лежащих на земле без памяти кабанят и кабаних, спустился к воде и погрузил в нее хобот. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

Слон начал пить, потом поднял хобот и стал шарить по воде, очевидно сравнивая ее вкус в различных местах. Он прошел несколько шагов и опустил хобот в воду вне нашей загородки. Там вода не была отравлена опьяняющим напитком.

— Пропала наша затея! — шепнул я. Но в тот же момент чуть не вскрикнул от удивления. Слон вернулся на старое место и начал пить «слоновью водку». Она видимо понравилась ему. Рядом с вожаком выстроились другие слоны. Но наша плотина была не слишком велика, и потому часть слоновьего стада пила обычную воду.

Мне казалось, что этому водопитию не будет конца. Я видел, как чудовищно раздувались его бока. Он пил, пил без конца. Через полчаса уровень воды в нашей запруде понизился наполовину, через час вожак и его товарищи высосали всю жидкость до дна. Слоны начали покачиваться, еще не окончив пить. Один из них вдруг рухнул в воду, подняв целое волнение. Он затрубил, поднялся и опять упал набок. Положив хобот на берег, он захрапел так, что листья дрожали и птицы испуганно перелетали на верхушки деревьев.

Огромный вожак отошел от озера, громко пофыркивая. Он остановился. Хобот его повис как тряпка. Уши то поднимались, то безжизненно падали. Слон медленно и равномерно покачивался-вперед, назад. Вокруг него падали, как сраженные пулей, его товарищи. А те, которые не пили «водки», с удивлением смотрели на этот странный падеж. Трезвые слоны тревожно трубили, ходили вокруг пьяных, даже пытались поднять упавших. Большая слониха подошла к вожаку и с беспокойством щупала его голову хоботом. Слон отвечал на этот жест участия и ласки слабым помахиванием хвоста, не прекращая своего раскачивания. Потом он вдруг поднял голову, захрапел и упал на землю. Трезвые слоны растерянно толпились вокруг него, не решаясь итти без вожака.

— Будет скверно, если трезвые останутся здесь,—сказал Ваг уже громко.— Перебить их что ли? Подождем, посмотрим, что будет дальше.

Трезвые слоны о чем-то совещались. Они издавали странные звуки, беспрерывно двигая хоботом. Это совещание продолжалось довольно долго. Начала разгораться заря, когда слоны выбрали себе нового предводителя и медленно, один за другим оставили «арену», где лежали «трупы» их товарищей».

Х. Ринг стал слоном.

*Надо было спускаться с дерева. Я с некоторым волнением посмотрел на «арену», которая напоминала теперь поле сражения. Огромные слоны валялись набоку вперемежку с кабанами. Но на долго ли хватит этого опьянения? Что если слоны придут в себя, прежде чем мы окончим операцию пересадки мозга? А слоны, как будто желая еще больше напугать меня, время от времени махали хоботом и ушами и иногда сквозь сон странно пищали.

Но Ваг не обращал на все это никакого внимания. Он быстро спустился с дерева и приступил к работе. В то время как фаны были заняты истреблением спящих кабанов, мы с Вагом занялись операцией. У нас уже все было заготовлено. Ваг заранее заказал хирургические инструменты, которые могли бы одолеть крепость слоновой кости. Он подошел к вожаку, вынул из ящика стерилизованный нож, сделал на голове слона надрезы, отвернул кожу и начал распиливать череп. Слон несколько раз подергивал хоботом. Это нервировало меня, но Ваг успокаивал:

—Не беспокойтесь. Я ручаюсь за действие моего наркоза. Слон не проснется раньше чем через три часа, а за это время я надеюсь вынуть его мозг. После этого он будет для нас безопасен.

И он продолжал методически распиливать череп. Инструменты оказались хорошими, и скоро Ваг приподнял часть теменной кости.

— Если вам придется охотиться на слона, — сказал он, — то имейте в виду, что убить его вы сможете только в том случае, если попадете вот в это маленькое местечко. — И Ваг показал мне пространство между глазом и ухом, величиною не более ладони. — Я уже предупредил мозг Ринга, чтобы он берег это место.

Ваг довольно быстро опорожнил голову слона от мозгового вещества. Но тут произошло нечто неожиданное. Слон без мозга вдруг начал шевелиться, раскачиваться грузным телом, потом к нашему удивлению встал и пошел. Но он, видимо, ничего не видел перед собою, котя глаза его и были открыты. Он не

обошел лежащего на пути товарища, споткнулся и упал на землю. Его хоботи ноги начали судорожно подергиваться. «Неужели подыхает?»—думал я, сожалея, что все труды пропали даром.

Bar подождал, пока слон перестал двигаться, затем приступил к продолжению операции.

—Теперь слон мертв. — сказал он, — как и полагается животному без мозга. Но мы воскресим его. Это не так трудно. Дав йте скорее мозг Ринга. Только бы не занести инфекции...

Тщательно вымыв руки, я вынул из привезенного слоновьего черепа разросшийся мозг Ринга и передал его Вагу.

- Ну-ка... сказал он, опуская мозг в череп слона.
 - Подходит? спросил я.
- Чуточку не дорос. Но это не имеет вначения. Было бы хуже, если бы мозг перерос и не вошел в черепную коробку. Теперь осталось самое главное сшить нервные окончания. Каждый нерв, который я буду сшивать, явится контактом между мозгом Ринга и телом слона. Теперь вы можете отдохнуть. Сидите и сметрите, но не мешайте мне.

И Ваг начал работать с необычайной быстротой и тщательностью. Он был поистине артистом своего дела, и его пальцы напоминали пальцы пианиставиртуоза во время исполнения труднейшей пьесы. Лицо Вага было сосредоточенно, оба глаза устремлены в одну точку, что с ним бывало только в случаях исключительного напряжения внимания. Очевидно в этот момент обе половинки его мозга несли одну и ту же работу, как бы контролируя друг друга. Наконец Ваг накрыл мозг черепной крышкой, скрепил ее металлическими скобками, ватем покрыл кусками кожи и сшил кожу.

— Отлично. Теперь у него — если он благополучно выживет, — останутся только рубцы на коже. Но Ринг, я думаю, простит меня за это.

«Ринг простит!» Да, теперь слон стал Рингом, или вернее Ринг слоном. Я подошел к слону, в голове которого был человеческий мозг, и с любопытством посмотрел на его открытые глаза. Они казались такими же безжизненными, как и раньше.

- Почему это? спросил я. Ведь мозг Ринга должен находиться в полном сознании, а между тем глаза... его (я не мог сказать ни слона, ни Ринга) как будто остеклянели.
- —Очень просто, —ответил Ваг. Нервы, идущие от мозга, сшиты, но еще не срослись. Я предупредил Ринга, чтобы он не пытался производить каких-либо движений, пока нервы не срастутся окончательно. Я принял меры, чтобы это произошло возможно скорее.

Сол це уже начинало клониться к закату. Фаны сидели на берегу и, разложив костры, жарили кабанье мясо и с удовольствием пожирали его. Некоторые предпочитали есть его сырым. Вдруг один из пьяных начал громко трубить. Этот резкий призывный звук разбудил остальных слонов. Они начали подниматься на ноги. Ваг, я и фаны поспешили укрыться в кустах. Слоны, все еще шатавшиеся, подошли к оперированному вожаку, долго ощупывали и обнюхивали его хоботом и что-то говорили на своем языке. Воображаю, как должен был чувствовать себя Ринг, если он только мог уже видеть и слышать. Наконец слоны ушли. Мы снова приблизились к нашему пациенту.

— Молчите и ничего не отвечайте, — сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить. — Все, что я могу вам позволить, — это мигнуть веком, если вы уже в силах это сделать. Итак, если вы понимаете, что я говорю, мигните два раза.

Слон мигнул.

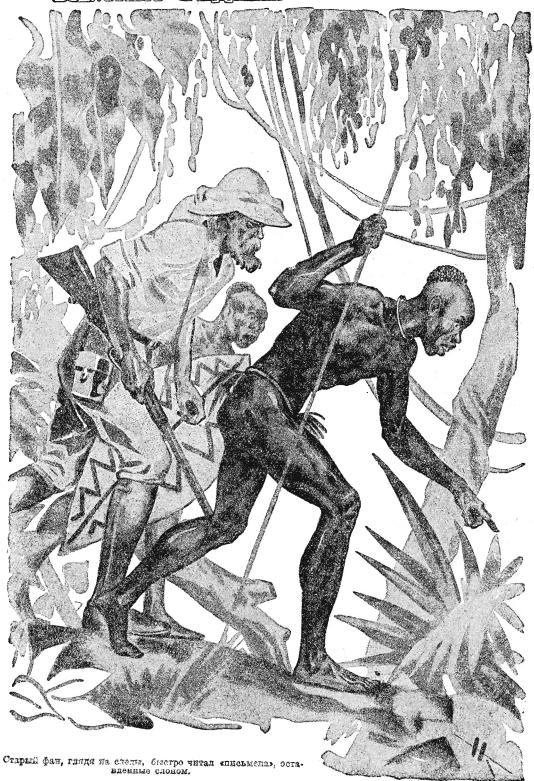
— Очень хорошо! — сказал Вагнер. — Сегодня вам придется полежать неподвижно, а завтра я быть может разрешу вам встать. Чтобы слоны и прочие животные не беспокоили вас, мы перегородим слоновью тропу, а ночью зажжем костры.

24 июля. Сегодня слон поднялся в первый раз.

—Поздравляю!—сказал Ваг.—Как же вас теперь звать? Ведь мы не можем перед посторонними разглашать свою тайну. Я буду звать вас Сапиенс. Идет?

Слон кивнул головой.

— Объясняться мы будем, —продолжал Ваг, —мимически, по азбуке Морзе. Вы можете махать кончиком хобота: вверх—

точка, вбок — тире. А если вам покажется удобнее, можете сигнализировать звуками. Помахайте хоботом.

Слон начал махать, но как-то странно: хобот поворачивался во все стороны как вывихнутый сустав.

— Это вы еще не привыкли. Ведь у вас никогда не было хобота, Ринг. А ходить вы можете?

Слон начал ходить, при чем задние ноги, видимо, слушались его лучше чем передние.

—Да, вам-таки придется поучиться быть слоном, — сказал Ваг. — В вашем мозгу нет многого такого, что имеется в слоновьем. Двигать ногами, хоботом, ушами вы научитесь довольно скоро. Но в мозгу слона имеются еще природные инстинкты - квинтэссенция опыта сотен тысяч слоновьих поколений. Настоящий слон знает, чего ему опасаться, как защищаться от разных врагов, где найти пищу и воду. Вы ничего этого не знаете. Вам пришлось бы учиться на личном опыте. А этот опыт стоил жизни немалому количеству слонов. Но вы не смущайтесь и не бойтесь, Сапиенс. Вы будете с нами. Как только вы окончательно оправитесь, мы с вами поедем в Европу. Если захотите, можете жить на родине-в Германии, а можете поехать со мной и в СССР. Там вы будете жить в зоопарке. Но как вы чувствуете себя?

Сапиенсу-Рингу очевидно было легче сигнализировать сопением чем движением хобота. Он начал издавать хоботом короткие и длинные звуки. Ваг слушал (в то время я еще не знал азбуки Морзе) и переводил мне:

— Вижу я как будто несколько хуже. Правда, с высоты моего туловища я вижу дальше, но поле моего зрения довольно ограниченно. Зато мои слух и обоняние тонки и остры необычайно. Я никогда не мог вообразить, что в мире так много звуков и запахов. Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых пожалуй не найдется слов на человеческом языке. Свист, шум, треск, писк, стрекотанье, визг, стон, лай, крик, громыханье, рокот, лязг, хрустенье, шлепанье, жлопанье... еще быть может десяток

слов, и человеческий лексикон, передающий мир звуков, исчерпан. Но вот жуки и черви сверлят кору дерева. Как передать этот разноголосый, отчетливо слышимый мною концерт? А шумы!

— Вы делаете успехи, Сапиенс, — сказал Ваг.

 — А запахи! — продолжал Ринг описывать свои новые ощущения. - Здесь я окончательно теряюсь и не могу передать вам хотя бы приблизительно то, что я ощущаю. Вы можете понять только одно, что каждое дерево, каждый прелмет имеет свой специфический запах.-Слон опустил хобот к земле, понюхал и продолжал: — Вот пахнет землей. И пахнет травой, которая лежала здесь, быть может оброненная каким-нибудь травоядным животным, шедшим на водопой. Затем пахнет кабаном, буйволом, медью... не понимаю откуда. Вот! Здесь валяется обрезок медной проволоки, которую вероятно вы бросили. Вагнер.

— Но как же это может быть? — спросил я. — Ведь тонкость ощущений обусловливается не только тонкостью воспринимающих периферических органов, но и соответствующим развитием мозга.

— Да, — ответил Ваг. — Когда мозт Ринга приспособится, он будет ощущать не хуже слона. Теперь он ощущает вероятно во много раз хуже настоящего слона. Но тонкость слухового и обонятельного аппаратов дает Рингу уже теперь огромное преимущество по сравнению с нами. — Затем он обратился к слону:—Надеюсь, Сапиенс, вас не очень обременит, если мы вернемся к нашей стоянке на холме, сидя на вашей спине?

Сапиенс милостиво согласился, кивнув головой. Мы погрузили на спину слона часть багажа. Он поднял хоботом меня и Вага— фаны шли пешком— и мы отправились в путь.

— Я думаю, —сказал Ваг, —через две недели Сапиенс будет вполне здоров и тогда он доставит нас в Бому, а оттуда морским путем двинемся домой.

Когда мы разбили лагерь на холме, Ваг сказал Сапиенсу:

 Корму здесь хоть отбавляй. Но я прошу вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью.
 Вам могут угрожать различные опасности, с которыми настоящие слоны справились бы очень легко.

Слон кивнул головой и принялся обламывать хоботом ветви с соседних деревьев.

Вдруг он как-то пискнул и, отдернув кобот, подбежал к Вагу.

— Что случилось?—спросил Ваг. Слон протянул хобот почти к его лицу.

— Ай! ай! — протянул Ваг с упре ом. — Идите сюда, — обратился он ко мне, по-казывая на пальцеобразный отгосток хобота. — Чувствительность этого «пальчика» превосходит чувствительность пальцев слепых. Это самый нежный орган слона. И смотрите, наш Сапиенс умудрижся поранить свой «пальчик» шипом.

Ваг осторожно вытащил шип из хобота.

— Будьте осмотрительны, — сказал он наставительно слону. — Слон с по аненным хоботом — инвалид. Вы не в состоянии будете даже пить воду, и вам прицется каждый раз входить в реку или эзеро и пить пастью, вместо того чтобы, как обычно делают слоны, вбирать воду в хобот и из хобота выливать в пасть. Здесь много колючих растений. Пройците немного дальше. Научитесь различать породы.

Слон вздохнул, помотал хоботом и отправился в лес.

27 июля. Все благополучно. Слон ест неимоверно много. Сначала он разбирался в пище и старался отправлять в пасть только траву, листья и самые тонкие нежные ветки. Но так как он не насыщался, то скоро, подобно заправскому слону, начал ломать и засовывать себе в пасть ветви чуть ли не в руку толщиной.

Деревья вокруг нашего лагеря имеют самый жалкий вид, — как будто здесь упал метеорит или пролетела всепожирающая саранча. На кустах подлеска и на нижних ветвях больших деревьев — ни листика. Сучья поломаны, обнажены. Кора содрана. На земле — сор, помет, куски ветвей, стволы сваленных деревьев. Сапиенс очень извиняется за эти разрушения, но... «положение обязывает», как сказал он Вагу при помощи своих звуковых сигналов.

1 августа. Сегодня Сапиенс не явился утром. Сперва Вагнер не беспокоился.

— Не иголка — най ется. Что с ним сделается? Ни один зверь не решится напасть на него. Вероятно за ночь далеко зашел.

Однако часы шли за часами, а Сапиенс не являлся. Наконец мы решили отправиться на поиски. Фаны—великолепные следопыты и они очень быстго напали на след. Мы пошли за ними. Старый фан, глядя на следы, быстро читал вслух эти пи ьмена, оставленные слоном.

— З есь слон ел траву, потом он начал есть молодые кустарники. Потом он пошел дальше. Здесь он как будто подпрыгнул — чего-то испугался. Вот что испугало его: след леопарда. Прыжок. Слон бежит. Ломает все на своем пути. А леопард? Он тоже бежит... от слена. В другую сторону.

Следы слона увлекли нас далеко от лагеря. Вот он пробежал болотистую поляну. Следы налились водой. Слон проваливался, но бежал, видимо с трудом вытаскивая ноги из болога. Вот и река. Это Конго. Слон бросился в воду. Он должен был переплыть на другую сторону.

Наши проводники отправились в поиски селения, нашли лодку, и мы перебрались на другой берег. Но там следов слона не было. Неужели он псгиб? Слоны умеют плавать. Но умел ли плавать Ринг? Удалось ли ему овладеть искусством плаванья по-слоновьи? Фаны высказали предположение, что слон поплыл вниз по реке. Мы пропльли несколько километров по течению. Следов все нет и нет. Ваг удручен. Все наши труды пропали даром. И что сталось со слоном? Если он жив, как он будет жить в лесу со зверями?..

8 августа. Целую неделю мы потратили на поиски слона. Напрасно! Он пропал бесследно. Нам ничего больше не оставалось, как рассчитаться с фанами и отправиться домой».

ХІ. Четвероногие и двуногие враги.

- Дневник окончен, сказал Денисов.
- Вот продолжение дневника, ответил Вагнер, хлопая по шее слона. В то время как вы читали дневник, Са-

пиенс, он же Хойти-Тойти, он же Ринг, расс азал мне занятную историю своих приключений. Я уже не надеялся видеть его в живых, но оказывается он сам сумел разыскать путь в Европу. Вы должны расшифровать и переписать мои стенографические записи того, что рассказал мне слон.

Денисов взял у Вагнега его тетрадь, испещренную черточками и запятыми, начал читать и затем записывать историю слона, рассказанную им самим. Вот что говорил Сапиенс Вагнеру:

«Една ли мне удастся передать вам все, что я испытал с тех пор, как стал слоном. Мне никогда даже и во сне не снилось, что я, ассистент профессора Турнера, вдруг превращусь в слона и буду жить в дебрях африканских лесов. Постараюсь изложить последовательно весь хол событий.

Я отошел недалеко от лагеря и мирно пошипывал траву на лужайке. Вырывал пучки сочной травы, обколачивал корни, чтобы отбить приставшую землю, затем пожирал. Покончив с травой, я пошел лесом, чтобы найти другую лужайку. Еыта довольно светлая лунная ночь. Летали светящиеся жуки, летучие мыши и какие-то неизвестные мне ночные птицы, похожие на сову. Я медленно продвигался вперед. Шел я легко, не чувствуя тяжести своего тела. Я старался как можно меньше шуметь. Понюхивая хоботом, я чувствовал, что и справа и слева от меня находятся звери — какие, я не знал. Казалось бы, кого бояться мне? Я-самый сильный из всех зверей. Сам лев должен был уступить мне дорогу. А между тем я ужасно боялся каждого шороха, каждого звука, пробежавшей мыши, какого-то зверка, похожего на лисичку. Когда я встретил небольшого кабана, я уступил ему дорогу. Быть может я еще не осознал своей силы. Одно успокаивало меня: я знал, что недалеко находятся люди, мои друзья, которые могут притти мне на помощь.

Так, осторожно шагая, я вышел на небольшую поляну и уже опустил хобот, чтобы схватить пучок травы, как вдруг почуял запах зверя, а уши мои уловили шорох в камышах. Я поднял хобот, тщатель то свернул его для безопасности

и начал осматриваться. И вдруг я увидал леопарда, который притаился за камышами, росшими у ручья, и смотрел на меня жадными голодными глазами. Все его тело напряглось для прыжка. Еще минута, и он кинется мне на шею. Не знаю, быть может я еще не привык быть слоном и чувствовал и рассуждал слишком по-человечески, но я не в силах был побороть безумного страха. Я весь задрожал и бросился бежать.

Деревья трещали и ломались на моем пути. Многие хищники были испуганы моим бешеным бегом. Они выскакивали из кустов и травы и разбегались в разные стороны, еще более пугая меня. Мне казалось, что звери всего бассейна Конго гонятся за мною. И я бежал, не знаю сколько времени и куда, -пока наконец меня не остановило препятствие — река. Я не умею плавать — не умел. когда был человеком. Но меня нагонял леопард, — так думал я, — и я бросился в воду и начал работать ногами, как если бы продолжал бежать. И я поплыл. Вода несколько охладила и успокоила меня. Мне казалось, что весь лес полон хищными голодными зверями, которые нападут на меня, как только я выйду на берег. И я плыл час за часом.

Уже взошло солнце, а я все плыл. На реке начали встречаться лодки с людьми. Людей я не боялся, пока с одной лодки не послышался выстрел. Я не мог предполагать, что стреляют по мне. Я продолжал плыть. Раздался еще выстрел, и вдруг я почувствовал, словно меня ужалила пчела в шею. Я повернул голову и увидал, что в лодке, которой управляют туземцы, сидит белый человек, по виду англичанин. Он-то и стрелял в меня. Увы! люди оказались для меня не менее опасны чем звери.

Что мне оставалось делать? Мне хотелось крикнуть англичанину, попросить его не стрелять. Но я смог издать только какой-то пищащий звук. Если только англичанин попадет в цель, я погиб... Вы указали мне на опасное для меня место в черепе—между глазом и ухом, где находится мозг. Я вспомнил ваш совет и повернул голову так, чтобы пули не попали в это место, и постарался поскорее доплыть до берега. Когда я вылез на берег, то представлял отлич-

ную мишень, но голова моя была обращена к лесу. А англичанин вероятно настолько знал правила охоты на слонов, что стрелять в задиюю часть считал бесцельным. Он больше не стрелял, вероятно поджидая, не поверну ли я к нему голову. Но я, уже не думая о зверях, помчался в чащу.

Лес становился все гуще. Лианы преграждали мне путь. Скоро они опутали меня такой сетью, что даже я не в силах был разорвать их и принужден был остановиться. Я так смертельно устал, что свалился набок, не заботясь о том, полагается или нет это делать в моем слоновьем положении.

Мне приснился странный сон: будто я, доцент университета и ассистент профессора Турнера, нахожусь в Берлине, в своей маленькой комнатке на Унтерден-Линден. Летняя ночь. В открытое окно светит одинокая звезда. Доносится запах цветущих лип, а на столике благоухает красная гвоздика в венецианском граненом стаканчике синего стекла. И среди этих приятных запахов врывается как непрошенный гость какой-то очень терпкий приторный запах, напоминающий запах черной смородины. Но я знаю, что это запах зверя... Я готовлюсь к завтрашней лекции. Склоняю голову над книгами и засыпаю, продолжая слышать запах липы, гвоздики, зверя. Я вижу странный сон, как будто я превратился в слона и нахожусь в тропическом лесу... Запах зверя все усиливается. Он беспокоит меня. Я просыпаюсь. Но это уже не сон. Я действительно превратился в слона, как Луций в осла 1), силою волщебства современной науки.

Запах двуногого зверя. Пахнет потом африканского туземца. К этому запаху присоединяется запах белого человека. Это наверно тот, который стрелял в меня из лодки. Он преследует меня по следам. Быть может уже стоит за кустом и направляет дуло ружья в опасное местечко между глазом и ухом...

Я быстро вскакиваю. Пахнет справа. Значит надо бежать влево. И я бегу, ломая и раздвигая кусты. Потом — кто

учил меня этому?—я поступаю так, как поступают слоны, когда котят сбить преследователя со следа. После шумного отступления слон вдруг затихает. Преследователь не слышит ни единого звука и думает, что слон остановился на месте. Но слон продолжает убегать, так осторожно ступая и раздвигая ветки, что даже кот не прошел бы тише.

Я пробежал не менее двух километров, пока наконец осмелился обернуться, чтобы понюхать воздух. Людьми еще пахло, но они были далеко, я думаю, не менее как за километр от меня. Я продолжал свой бег.

Настала тропическая ночь, душная, внойная, темная, как сама слепота. С темнотою пришел и страх. Он окружил меня со всех сторон и был такой же безысходный, как и тьма. Куда бежать? Что делать? Стоять на месте казалось страшнее чем двигаться. И я шел неустанной, ровной походкой.

Скоро под ногами зашлепала вода. Еще несколько шагов, и я вышел на берег... чего? реки? озера? Я решил поплыть. На воде я мог быть по крайней мере в безопасности от нападения львов и леопардов. Я поплыл и к своему удивлению очень скоро почувствовал под ногами дно и вышел на мелкое место. Я пошел дальше.

На пути — какие-то ручьи, речки, болотца. В траве на меня шипят невидимые зверки, боязливо отпрыгивают огромные лягушки. Я бродил всю ночь—и к утру принужден был признать, что окончательно заблудился...

Прошло несколько дней, и я уже многого не боялся из того, что раньше внушало мне страх. Смешно! В первые дни своего нового существования я боялся даже поранить себе кожу колючками. Быть может меня напугала история с уколотым пальцеобразным отростном хобота. Однако я скоро убедился, что самые острые и крепкие колючки не причиняют мне ни малейшего вреда -толстая кожа защищала меня как броня. Затем я боялся случайно наступить на ядовитую змею. И когда это птоизошло в первый раз и змея обвилась вокруг моей ноги, пытаясь меня ужалить, от страха похолодело мое огромное слоновье сердце. Но я тотчас убе-

Луций—герой сатирической повести древне-римского писателя Апулея «Золотой осел».

цился, что вмея бессильна причинить мне вред. С той поры я находил даже удовольствие давить ногами встречающихся на пути вмей, если они заблаговременно не убирались с дороги.

Впрочем кое-что осталось, что возбуждало мой страх. Ночью я боялся нападения крупных хищников - льва, леопарда. Я был сильнее их и не хуже их вооружен, но у меня не было личного опыта в борьбе и не было инстинктов, которые суфлировали бы мне мою роль. А днем я боялся охотников, в особенности белых. О, эти белые люди! Они самые опасные из зверей. Их капканов, силков, западней я не боялся. Меня трудно было загнать в загон, пугая кострами или трещотками. Единственно, что угрожало мне, это возможность упасть в замаскированную яму, и я внимательно осматривал лежащий передо мною путь.

Запах деревни я чувствовал за несколько километров и старался далеко обходить всякое жилье человека. По вапаху я различал даже туземные племена. Одни из них были более опасны для меня, другие менее, третьи совсем не опасны.

Однажды, потянув хоботом, я услышал новый запах—зверя или человека—я даже затрудняюсь сказать. Скорее—человека. Меня охватило любопытство. Ведь я изучал лес и должен был знать обо всем, что могло угрожать мне опасностью. Я направился по запаху, как по компасу, очень осторожно продвигаясь вперед. Это было ночью, в тот час, когда туземцы спят крепче всего. Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. Запах становился все сильнее.

К утру я вышел на опушку леса и, скрываясь в густой заросли, посмотрел на поляну. Бледный месяц стоял над лесом и обливал пепельным светом низенькие остроконечные шалаши. Такой шалаш мог только прикрыть сидящего человека среднего роста. Было тихо. Даже собаки не лаяли. Я подошел с подветренной стороны. Я недоумевал: кто может жить в этих маленьких шалашах, как будто сделанных играющими детьми?

Вдруг я заметил, что из дыры в земле вылезло какое-то человекоподобное существо. Поднявшись на ноги, свистнуло. На свист отозвалось другое существо, соскочившее с ветви дерева. Еще два вышли из шалашей. Они сошлись у большого шалаша, высотою в полтора метра, и начали о чем-то совещаться. Когда первые лучи солнца осветили небо и я мог рассмотреть «гномов» — как назвал я странные существа, - то я убедился, что набрел на поселение пигмеев, самых маленьких людей из существующих на земном шаге. Они имели светлокоричневую кожу и волосы почти красного цвета. Их фигурки были очень стройны и пропорционально сложены. Но их рост не превышал восьмидесяти-девяноста сантиметров. У некокорых из этих «детей» были бороды, густые и курчавые. Они о чем-то быстро говорили пискливыми голосами.

Это было очень интересное зрелище, но мне стало страшно. Лучше бы я встретился с великанами, чем с этими страшными для меня карликами. Пожалуй я предпочел бы даже встречу с белым человеком. Пигмеи, несмотря на свой ничтожный рост, являются самыми страшными врагами слонов. Я знал это прежде чем сделался слоном. Они великолепные стрелки из лука и метатели копий. Они употребляют отравленные стрелы, одного укола которых достаточно, чтобы поразить насмерть слона. Они могут бесшумно подкрасться к слону сзади и набросить на задние ноги путы или же пересечь острым ножом ахиллесову жилу. Вокруг своих деревень они разбрасывают отравленные колючки и палочки...

Я вдруг повернулся всем телом и бросился убегать с такой же поспешностью, как в тот раз, когда убегал от леопарда. Сзади себя я услышал крик, вслед за этим звуки погони. Я ушел бы от них, если бы передо мной была ровная дорога. Но мне пришлось бежать в дремучем лесу, то-и-дело обегая непреодолимые препятствия. А мои приследователи, ловкие как обязьяны, подвижные как ящерицы и неутомимые как борзые собаки, бежали так быстро, б,дто препятствия не существовали для них. Погоня приближалась. Несколько копий

были брошены мне в след. К счастью густая зелень защищала меня. Я задыхался и готов был упасть от усталости. А маленькие человечки, не падая, не спотыкаясь, не отставая ни на шаг, следовали за мной.

Я убедился на горьком опыте, что не легко быть слоном, что вся жизнь,даже такого крупного и сильного животного как слон - непрерывная, ни на минуту не прекращающаяся больба за существование. Мне казалось невероятным, что слоны доживают до ста и более лет. При таких волнениях, право же, они должны были бы умирать раньше чем люди. Впрочем настоящие слоны быть может не волнуются так, как волновался я. У меня был слишком нервный, легко возбудимый человеческий мозг. Уверяю вас, сама смерть в эти минуты казалась мне лучше, чем жизнь с вечно гонящейся по пятам смертью. Остановиться? Подставить грудь под удары отравленных копий и стрел моих двуногих мучителей?.. Я готов был сдепать это. Но в последнюю минуту мое настроение изменилось: я неожиданно втянул в хобот сильный запах слоновьего стада. Не найду ли я спасения срепи слонов?

Дремучий лес редел и постепенно перешел в саванны, поросшие там и сям большими деревьями, которые давали мне возможность укрываться от стрел моих ареследователей.

Я бежал зигзагами. Здесь пигмеям приходилось хуже чем в лесу. Хотя я и прокладывал широкую дорогу, но все же крепкие стебли степных растений и трав мешали им бежать. Запах слонов становился все сильнее, хотя я все еще не видел их.

На моем пути встречались огромные ямы,—здесь слоны валялись, как куры, копающиеся в песке. Местами виднелся помет. Вот и первые деревья. Я уже вижу несколько слонов, барахтающихся на земле. Другие стоят возле деревьев, держат в хоботе большие ветви и обмахиваются ими как веерами, помахивая в то же время хвостом. Уши их приподняты подобно зонтикам. Иные мирно купаются в реке. Я бежал против ветра, и слоны не учуяли меня. Тревога поднялась только тогда, когда край-

ние слоны услышали мой топот. Что тут произошло! Слоны метались по берегу реки, отчаянно трубили. Вожак, вместо того чтобы защищать тыл, первый побежал, бросился в воду и переплыл на другую сторону. Чадолюбивые мамаши защищали своих детей, которые по росту мало чем отличались от взрослых. Самкам же приходилось защищать тыл. Неужели мое появление так напугало слонов, или они в моем сумасшедшем беге почувствовали иную опастность, чем та, которая заставила бежать меня самого?

Я со всего размаха бросился в воду, переплыл реку прежде многих самок с их детенышами и постарался выбежать вперед, чтобы между мною и моими преследователями оказались туши слонов. Это конечно было уже эгоистично с моей стороны, но я видел, что и другие слоны за исключением самок-матерей поступали так же. Я слышал, как подбежали к реке пигмеи. Их пискливые голоса сливались с трубными звуками слонов. Там происходила какая-то трагедия, но я боялся обернуться назад и продолжал бежать по открытой равнине. Я так и не узнал, чем окончилось сражение у реки между карликамилюдьми и великанами-животными.

Мы бежали много часов, не останавливаясь. Так как я был утомлен бегом, то едва поспевал за слонами, но я ни за что не хотел отставать от стада. Если только слоны примут меня в свою компанию, среди них я буду в относительной безопасности, так как они лучше меня знают местность и своих врагов.

XII. В слоновьем стаде.

Наконоц слон, бежавший впереди, остановился, а вслед за ним и остальные Мы повернули голову назад. Нас никто не преследовал. Только два молодых слона, сопровождаемые своими матерями бежали к нам!

На меня как будто никто не обращал внимания. Однако, когда прибыли последние отставшие и стадо понемногу успокоилось, ко мне начали подходить слоны, обнюхивать хоботом, осматривать, обходить кругом. Они о чем-то спрашивали меня, издавая тихое ворчанье, а я не мог ответить им. Я даже не понимал, что означает это ворчанье—неодобрение или удовольствие.

Больше всего я опасался вожака. Я внал, что «я» был вожаком стада, прежде чем Вагнер произвел операцию. Что если я попал в то самое стадо и новый вожак начнет спорить со мной из-за власти? Признаюсь, я очень волновался, когда вожак, большой сильный слон, попошел ко мне и как бы невзначай толкнул бивнем меня в бок. Я покорился. Он еще раз толкнул меня, как бы вывывая на бой. Но я не принимал боя и только отходил в сторону. Тогда слон свернул хобот, положил его в пасть и слегка придержал губами. Впоследствии я узнал, что слоны таким образом выражают смущение и удивление. Вожак был очевидно озадачен моею покорностью и не знал, что делать. Но в то время я не знал языка слонов и, думая, что он таким образом приветствует меня, также положил хобот в пасть. Слон пискнул и отошел от меня.

Теперь я понимаю каждый звук, издаваемый слоном. Я знаю, что тихое ворчанье, а также писк означают удовольствие. Страх выражается сильным ревом, внезапный испут-коротким резким звуком. Именно таким резким звуком встретило стадо мое появление. В ярости, будучи ранены или озабочены, слоны издают глубокие горловые звуки. Один слон, оставшийся на берегу реки, так кричал во время нападения пигмеев. Быть может он был смертельно ранен отравленными стрелами. А при нападении на врага слоны издают сильный визг. Я передал только основные «слова» слоновьего языка, выражающие главнейшие их чувства. Но эти «слова» имеют множество оттенков.

В первое время я очень боялся, как бы слоны не догадались, что я не настоящий слон и не выбросили бы меня из стада. Быть может они и чувствовали, что со мною что-то неладное, однако они оказались достаточно миролюбивыми. Они относились ко мне, как к дефективному переростку, у которого в голове не все в порядке, но который никому вреда не делает.

Жизнь моя протекала довольно однообразно. Путешествовали мы всегда гуськом. От десяти-одиннадцати часов утра часов до трех дня отдыхали, потом опять начинали пастись. Ночью опять отдыхали по нескольку часов. Некоторые слоны ложились, почти все дремали, а один сторожил.

Я не мог примириться с тем, что мне придется всю жизнь провести в слоновьем стаде. Я тосковал о людях. Пусть я имею вид слона, но я предпочитаю жить с людьми, спокойно, без тревог. И я охотно пошел бы к белым людям, если бы не боялся, что они убьют меня ради моих бивней. Признаюсь, я даже пытался сломать бивни, чтобы обесценить себя в глазах людей, но из этого ничего не вышло. Бивни были несокрушимы, или же я не умел ломать их. Так пробродил я со слонами более месяна.

Однажды мы паслись на открытом месте, среди необозримых саванн. Я стоял на страже. Ночь была звездная безлунная. В стаде было сравнительно тихо. Я отошел несколько в сторонку, чтобы лучше прислушиваться и принюхиваться к запахам ночи. Но пахло только разнообразными травами да неопасными для нас мелкими пресмыкающимися и зверками. И вдруг далекодалеко, почти на горизонте вспыхнул огонек. Погас, потом опять вспыхнул и разгорелся.

Прошло несколько минут, и слева от огонька вспыхнул второй, потом на мекотором расстоянии третий, четвертый. Нет, это не охотники, расположившиеся на ночлег. Костры загорались на равном расстоянии друг от друга, как будто по степи проложили улицу и зажгли фонари. В то же время по другую сторону от себя я заметил такие же вспыхивающие огни костров. Мы оказались между двумя огненными линиями. Скоро в одном конце этой дороги между двух линий огня затрещат, закричат загонщики, а в другом конце нас будут ждать ямы или же загоны-в зависимости от того, какую цель ставят охотники: овладеть нами живыми или мертвыми. В ямах мы поломаем себе ноги и будем годны только на убой, а в загонах нас ждет жизнь рабов. Слоны боятся огней. Они вообще трусливы. Когда шум разбудит их, они бросаются в

ту сторону, где нет огней и шума, — там их ждет молчаливая западня или смерть.

Только один я из всего стада понимаю положение вещей. Но дает ли это мне какое-нибудь преимущество? Что мне делать? Итти на огни? Там меня встретят вооруженные люди. Быть может мне удастся прорвать блокаду. Этот риск лучше, чем верная смерть или неволя. Но тогда мне придется расстаться со стадом и начать жизнь слона-отшельника. Рано или поздно я все равно догибну от пули, отравленной стрелы или клыков зверя...

Мне казалось, что я все еще колебался, но на самом деле я уже сделал выбор, потому что, сам того не замечая, я отходил в сторону, чтобы разбуженное стадо, убегая, не увлекло меня водоворотом тел навстречу беде.

Вот уже кричат загонщики, быот в барабаны, трещат, свистят, стреляют. Я трублю глубоким трубным призывом. Слоны просыпаются и в испуге топчутся на месте, трубя изо всех сил. Стоит гакой необычайный рев, что дрожит земля. Слоны осматриваются по сторонам, видят костры, которые как будто приближаются (их переносят все ближе и ближе), перестают реветь и бросаются в одну сторону, но там они слышат шум надвигающихся загонщиков. Стадо поворачавает и бежит в противоположную сторону... навстречу своей гибели. Правда, эта гибель еще не так близка. Охота продолжится несколько дней. Костры будут все больше сближаться, загонщики подходить все ближе к слонам и гнать их вперед, пока наконец слоны не попадут в загоны или ямы.

Но я не иду со слонами. Я остаюсь один. Панический ужас, который охватил все стадо, передается моим слоновьим нервам, а от них—моему человеческому мозгу. Страх затемняет мое сознание. Я готов бежать вслед за стадом. Я призываю на помощь все свое мужество, всю свою волю. Так нет же! Мой человеческий мозг победит страх слона, победит эту огромную гору мяса, крови, костей, которая увлекает меня к гибели.

И я как шофер повертываю руль «грузовика» и сворачиваю прямо в реку. Плеск, каскад, брызг, тишина... Вода

охладила мою кипящую слоновью кровь. Рассудок победил. Теперь я крепко держу «в руках» разума свои слоновьи ноги. Они покорно топчутся по илистому дну.

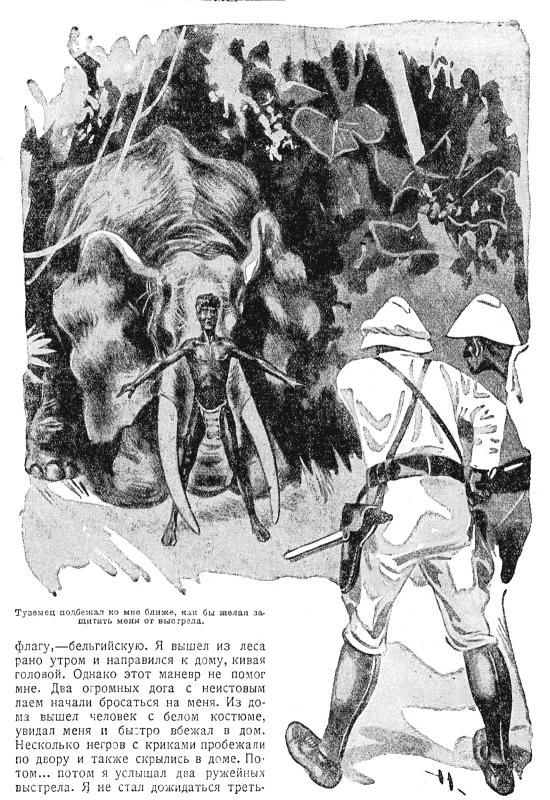
Я решил проделать штуку, которую не проделывают обыкновенные слоны: отсидется в воде, погрузившись в нее как гиппопотам. Постараюсь дышать только кончиком высунутого хобота. Пробую проделать это. Вода неприятно заливает уши и глаза. Время от времени я поднимаю голову и слушаю. Загонщики все ближе. Я опять погружаюсь в воду. Вот загонщики прошли мимо, не заметив меня.

С меня довольно беспрерывных волнений и страха. Пусть будет, что будет, но я не пойду к людям - охотникам. Я спущусь вниз по Конго и разыщу одну из факторий, которых немало расположено между Стэнли-Пулем и Бомом. Я явлюсь на факторию или ферму и постараюсь показать мирным людям, что я не дикий слон, а дрессированный, и они не прогонят и не убыот меня.

XIII. На службе у браконьеров.

Привести в исполнение этот план оказалось труднее, чем я предполагал. Я довольно скоро разыскал главное русло Конго и отправился вниз по течению. Днем я пробирался вдоль берега, ночью плыл по течению. Мое путешествие протекало благополучно. На этом участке река судоходна, и дикие звери опасаются подходить близко к берегам. За все время моего путешествия вниз по реке, -- а оно длилось около месяца, -- я только раз слышал отдаленный рев льва, и однажды у меня произошло довольно неприятное столкновение, в буквальном и переносном смысле этого слова, с гиппопотамом. Это было ночью. Он сидел в реке, погруженный по самые ноздри. Я не заметил его и плывя наскочил на неуклюжее животное как на айсберг. Гиппопотам погрузился в воду еще глубже и начал своей тупой мордой пренеприятно бить меня в брюхо. Я поспешил убраться в сторону. Гиппопотам выплыл, сердито фыркая, и погнался за мной. Но я успел уплыть от него.

Доплыл я благополучно до Лукунги, где увидая большую факторию, судя по

его и принужден был повернуть к лесу и уйти.

Однажды я шел ночью по редкому унылому лесу. Таких лесов немало в Центральной Африке. Темная зелень, болотистая почва под ногами, черные стволы деревьев. Недавно прошел сильный дождь, а ночь была для экватора довольно прохладная, ветренная. Несмотря на толстую кожу я, как и другие слоны, довольно чувствителен к сырости. В дождь и сырую погоду я не стою на месте, я двигаюсь, чтобы согреться.

Я шел ровным шагом /же несколько часов, как вдруг увидел перед собой огонь костра. Место было довольно дикое. Здесь не встречалось даже деревень чернокожих. Кто мог зажечь костер? Я пошел быстрее. Лес кончился, началась саванна с невысокой травой. Видимо здесь не так давно был лесной пожар, и трава еще не успела вырасти. На расстоянии полукилометра от леса виднелся старый изодранный шатер. Вовле него горел костер, а у костра сидели двое, повидимому европейцы. Один из них что-то помешивал в котелке, висящем над костром. Третий-явно туземец, полуголый красавец — стоял как бронзовое изваяние недалеко от костра.

Я медленно приближался к костру, не спуская глаз с людей. Когда они увидали меня, я опустился на колени так, как это делают дрессированные слоны, подставляющие спину под поклажу. Небольшой человек в пробковом шлеме вдруг схватил ружье с явным намерением стрелять. Но туземец в тот же момент закричал на ломаном английском языке:

— Не надо! Это хороший, это домашний слон! — и побежал ко мне навстречу.

— Уйди в сторону! Иначе я сделаю дыру в твоем теле! Эй, ты, как тебя вовут? — закричал белый, прицеливаясь.

- Мпепо, ответил туземец, но не отошел от меня, а подбежал еще ближе, как бы желая своим телом защитить меня от выстрела.
- Видишь, бана ¹), ручной говорил он, поглаживая мой хобот.
- Прочь, обезьяна! кричал человек
 с ружьем. Стреляю! Раз, два...

 Подожди, Бакала, — сказал второй белый, высокий и худой. — Мпепо прав. Бивней у нас достаточно, а доставить их хотя бы только до Матади будет не легко и не дешево. Этот слон видимо ручной. Чей он и почему шляется по ночам, об этом мы не будем спрашивать. Он нам может оказаться очень полезным. Слон поднимает тонну, хотя с таким грузом он далеко не уйдет. Ну, допустим полтонны. Проще говоря, один слон может заменить нам тридцать -сорок носильщиков, понимаешь? И он нам ровно ничего не будет стоить. А когда придет время и он не будет нам больше нужен, мы убьем его и прибавим его прекрасные бивни к нашей коллекции. Ясно?

Тот, которого называли Бакала, слушал нетерпеливо и несколько раз пытался стрелять. Но когда собеседник подсчитал, во сколько обойдется им наем носильщиков, которых может заменить слон, то согласился на эти доводы и опустил ружье.

— Эй, ты! Как тебя зовут? — обратился он к туземцу.

- М...пепо, ответил тот. Вспоследствии я убедился, что Бакала всякий раз обращался к туземцу: «Эй ты, как тебя зовут», а тот неизменно отвечал с маленькой остановкой на букве «м», как будто он сам с трудом выговаривал свое имя: «М...пепо».
 - Иди сюда. Веди слона.

Я охотно повиновался жесту Мпепо, приглашавшего меня подойти ближе к костру.

— Как же мы его назовем? А? Труэнт¹) — самое подходящее для него название, как ты думаешь, Кокс?

Я посмотрел на Кокса. Он весь был какой-то сизый. В особенности меня поразил его нос, словно только что вынутый из лиловой краски. На сизом теле была надета сизая рубашка, расстетнутая на груди, с рукавами, закрученными выше локтя. Кокс говорил сиплым и, как мне показалось, тоже сизым голосом, шепелявя и картавя. Этот глухой голос каж будто выцвел, как и его рубашка.

⁴⁾ Бана — господин.

¹⁾ Труэнт (по-английстн) — бродяга, праздно-

 — Ну что-ж, — согласился он. — Пускай будет Труэнт.

Около костра зашевелилось тряпье, и из-под него послышался чей-то очень слабый, но густой бас:

- Что случилось?
- Ты еще жив? А мы думали, что уже умер, спокойно сказал Бакала, обращаясь к тряпью.

Тряпье зашевелилось сильнее, и изпод него вдруг показалась большая рука.
Рука сбросила тряпье. Большой, хорошо
сложенный человек поднялся и сел, подпираясь руками и покачиваясь. Его лицо
было очень бледно. Рыжая борода всклокочена. Видно было, что белый человек —
лицо его было бело как снег — болен.
Тусклые глаза посмотрели на меня. Больной усмехнулся и сказал:

- К трем бродягам прибавился четвертый. Белая кожа черная душа. Черная кожа белая душа. Один честный, и тот бакуба! и больной бессильно упал навзничь.
 - Бредит, сказал Бакала.
- Что-то бред его обидный, отоввался Кокс. Загадки загадывает. Один честный, да и тот бакуба. Ты понимаешь, что э о значит? Ведь наш Мпепо из племени бакуба. В этом ты можешь удостовериться, посмотрев ему в зубы: у него по обычаю бакуба выбиты верхние резцы. Выходит, что он один честный, а мы жулики.
- И сам Броун в том числе. У него кожа белей чем у нас, значит и душа чернее, если уж на то пошло. Броун, ты тоже жулик?

Но Броун не отвечал.

- Опять без памяти.
- Тем лучше. И будет еще лучше, если он совсем не придет в себя. От него теперь мало пользы, а он связывает нас по рукам.
- Поправится один двоих нас будет стоить.
- От этого тоже мало удовольствия. Неужели ты не понимаешь, что он лишний?..

Броун забормотал в бреду, и разговор умолк.

- Эй, ты, как тебя зовут?
- М...пепо.
- Привяжи слона за ноги к дереву, чтобы не сбежал.

— Нет, слон не уйдет, — ответил Мпепо, поглаживая мою ногу.

Наутро я лучше разглядел моих новых хозяев. Больше всех мне понравился Мпепо. Он всегда был весел и улыбался, обнажая белые зубы, несколько обезображенные отсутствием двух верхних резцов. Мпепо видимо любил слонов и очень заботливо ухаживал за мной. Он промывал мне уши, глаза, ноги и складки кожи. Приносил мне угощение — какихто вкусных плодов и ягод, которые разыскивал для меня.

Броун все еще болел, и я не мог составить о нем более или менее полного представления. Его лицо и его прямота, когда он говорил со своими спутниками, нравились мне. Но Бакала и Кокс мне решительно не нравились. Особенно странное и неприятное впечатление производил Бакала. На нем был грязный изорванный костюм из лучшего материала и самого лучшего покроя. Этот костюм мог принадлежать какому-нибудь очень богатому туристу. И мне казалось, что костюм и палатка достались Бакале преступным путем. Быть может он убил какого-нибудь знатного англичанина-путешественника и ограбил его. Великслепное гужье также могло принадлежать этому англичанину. На широком поясе Бакала носил большой револьвер и нож устрашающих размеров. Бакала был нето португалец, нето испанец, человек без родины, семьи и определенных за-

Сизый Кокс был англичанин, не поладивший с законами своей страны. Все трое были браконьеры — они охотились на слонов ради слоновой кости, не считаясь ни с какими законами и границами.

Мпепо был их проводник и инструктор. Он, несмотря на свою юность, был прекрасный знаток слонов и слоновьей охоты. Правда, его приемы ловли слонов были грубые, варватские. Но других он не знал. Он применял те способы, которым научился от отцов. А браконьерам было глубоко безразлично, каким способом истреблять слонов. Они окружали их кольцом костров и добивали полузадохшихся от дыма и опаленных, ловили в ямы с острыми кольями на дне, стреляли, подрезывали жилы на задней

ноге, оглушали бревном, падавшим сверху, и потом добивали. Мпепо был очень полезен им.

XIV. Труэнт пошаливает.

Однажды, когда Броун начал поправляться, но был еще слишком слаб, чтобы принимать участие в охоте, Кокс и Бакала отправились, сидя на моей спине, за несколько десятков километров за бивнями слона, убитого накануне. Их никто не слышал, а я был всего только вьючное животное, и потому они откровенно разговаривали между собой.

- Этой шоколадной обезьяне, как там ее зовут? придется отвалить, по уговору, пятую часть добычи, сказал Бакала.
 - Жирно будет, ответил Кокс.
- А остальное придется разделить на три части: тебе, мне и Броуну. Если считать, что килограмм кости даст нам семьдесят пять сто марок...
- -- Ни в коем случае столько не дадут. Ты в этом деле ничего не понимаешь. Есть так называемая мягкая, или мертвая кость и твердая, или живая. Первая только называется мягкой, но на самом деле она очень плотная, белая и нежная. Из нее делаются биллиардные шары, клавиши, гребенки. Такая кость дорого ценится. Но у здешних слонов не такая кость. За мягкой костью надо ехать в Восточную Африку. Но там из твоих твердых костей сделают мягкие, прежде чем позволят убить хоть одного слона. А кость здешних слонов — твердая, живая, прозрачная. Из нее можно делать только какие-нибудь ручки для палок и зонтов да дешевые гребенки.
- И что же получается? спросил хмуро Бакала. Что мы работали впустую?
- Зачем впустую? Кое-что останется. Если вчетвером охотиться, а добычу поделить только пополам, то и совсем не плохо будет...
- Пусть меня слоны растопчут в лепешку, если я сам не думал о том же.
- Надо не думать, а делать. Броун не сегодня-завтра окончательно станет на ноги, и тогда с ним не справиться. Бычачья сила у этого рыжего чорта. А Мпепо верток, как обезьяна. Их надо

враз уничтожить. Лучше ночью. И для верности — напоить. У нас еще осталось немного спирта. С них хватит.

- -- Когда?
- Приехали?
- В огромной яме боком лежал слон. Несчастный напоролся брюхом на острый кол еще три дня тому назад, но до сих пор был жив. Бакала пристрелил его, спустился в яму вместе с Коксом и начал вырубать бивни. Они проработали почти весь день. Солнце уже склонялось к западу. Привязав бивни веревками к моей спине, они отправились в обратный путь.

Уже палатка была видна, когда Кокс сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

И нечего откладывать. Сегодня ночью.

Но их ждало разочарование. К своему удивлению, Броуна они не застали в лагере. Мпепо объяснил, что «бана» почувствовал себя настолько хорошо, что пошел на охоту и может быть на ночь не вернется. Бакала тихо выругался. Пришлось отложить убийство до другого раза.

Броун явился только под утро, когда Кокс и Бакала спали. Он подошел к Мпепо, тронул его за плечо. Туземец, стоявший на часах, весело улыбнулся, оскалив зубы. Броун махнул рукой и подвел юношу к слону, приказывая садиться. Мпепо сделал мне знак рукой, я склонил колени, они взобрались на спину, и я повез их вдоль опушки леса. Когда они отъехали на значительное расстояние, Броун сказал:

— Я хочу сделать им подарок. Они думают, что я болен, а я совсем здоров. Сегодня ночью мне угалось убить слона— большого слона с великолепными бивнями. Ты поможешь мне обрубить их. То-то удивятся Бакала и Кокс!

При свете вссходящего солнца на берегу реки, среди зарослей кофейных кустарников я увидел огромную раздутую тушу слона, лежащую на боку.

Покончив с бивнями, мы отправились назад — навстречу нашей гибели. Броун и Мпепо были обречены на более скорую смерть, я несколько поэже должен был разделить их участь. Впрочем, я всегда мог убежать от людей. Но я не

делял этого, так как непосредственной опасности мне не угрожало, и я хотел, если удастся, спасти от смерти Броуна и Мпепо. Мне было особенно жалко Мпепо — этого жизнерадостного юношу с телом Аполлона. Но как предупредить их? Увы, я не имел возможности рассказать им об угрожавшей опасности... А что если я откажусь нести их в лагерь?

Я вдруг круто повернул с дороги и направился в ту сторону, где протекала Конго. Мне казалось, что на реке они могут встретить людей, и Броун сможет вернуться в культурные страны. Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею. Острие прокалывало мне кожу. А моя кожа очень чувствительна и подвержена загноению. Я помнил, как долго не заживала ранка, причиненная пулей англичанина, охотившегося на меня с лодки. Я слышал, как Мпепо просил Броуна не колоть мне шею, но Броун был взбешен моим непослушанием и колоя все сильнее, все глубже.

Мпепо пробовал уговаривать меня самыми ласковыми словами на своем языке. Я не понимал слов, но интонации голоса понятны одинаково всем людям и животным. Мпепо нагнулся и поцеловал меня в шею. Бедный Мпепо! Если бы он внал, о чем просит меня!..

— Убить его, и больше ничего! — сказал Броун. — Если Труэнт не хочет везти, то он больше ни на что не нужен, как только на то, чтобы обрубить его клыки. Порченый слон! Настоящий «труэнт» Ушел от одних хозяев, теперь хочет удрать от нас. Но это ему не удастся. Я сейчас всажу ему пулю между глазом и ухом.

Я затрепетал, когда услышал эти слова. Броун, охотник на слонов, не промажнется, сидя на слоне... Погибнуть самому или предать их на верную смерть? Я слышал, как Мпепо умолял Броуна пощадить меня. Но англичанин был непреклонен. Он уже снимал ружье с плеча.

В самый последний момент я неожиданно повернул к лагерю Броун рассмеялся.

— Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я жотея сделать, — сказая ок.

Я покорно прошел несколько шагов, потом вдруг схватил хоботом Броуна, стащил его со спины, бросил на землю и быстро побежал к лесу вместе с Мпепо. Броун кричал и ругался. Он ушибся не сильно, однако после болезни был еще слаб и не сразу мог подняться на ноги. Я воспользовался этим и добежал до леса. «Если нельзя спасти обоих, — думал я, -- то спасу по крайней мере Мпепо». Но и туземец не хотел расставаться с лагерем. Не даром он несколько месяцев охотился на слонов, рискуя жизнью. Теперь он должен был получить награду. Мне надо было попридержать Мпе во хоботком, я не догадался сделать этого, думая, что он не решится прыгать с высоты моей спины. Но юноша, ловкий как обезьяна, поступил иначе: когда я шел вблизи дерева, он ухватился за ветки и вскочил на сук. Я не мог достать Мпепо и стоял возле дерева, пока не услышал запаха подкрадывающегося ко мне сзади Броуна. Тогда я, не ожидая, пока Броун начнет стрелять, побежал в лесную чащу.

Они ушли. Но я не хотел предоставлять этих людей их судьбе. И, подождав немного, я отправился в путь. Я обошел стороной и прибыл в лагерь раньше их. Кокс и Бакала очень удивились, увидав меня без всадников, но с хорошими бивнями на спине.

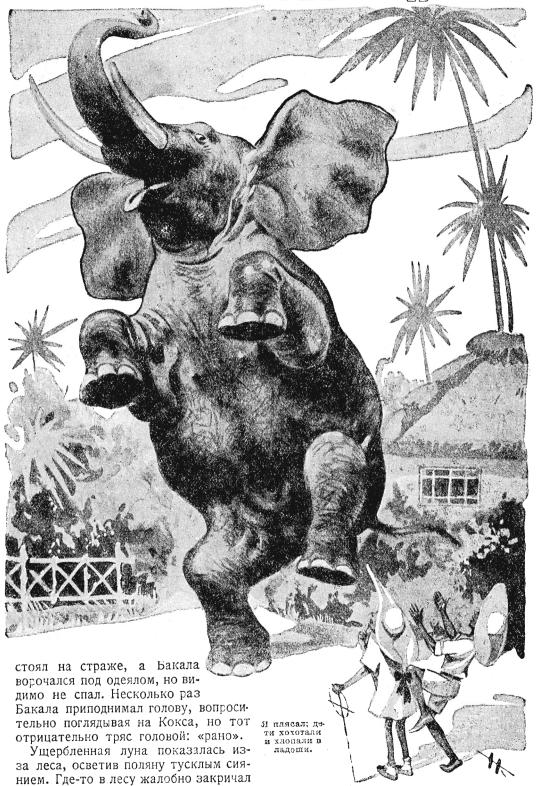
— Неужели слоны или дикие звери помогли нам отделаться от Броуна и Мпепо? — сказал Кокс, развязывая веревки.

Однако радость их была преждевременна. Скоро явились ругающийся Броун и Мпепо. Броун, увидав меня, разразился новым потоком проклятий и ругательств. Он рассказал своим товарищам, какую штуку я проделал с ними, и убеждал их тотчас прикончить меня. Но рассчетливый Кокс был против и вновь начал делать свои выкладки. Кокс и Бакала уверяли, что они очень рады выздоровлению и возвращению Броуна, да еще с парою прекрасных бивней.

XV. Четыре трупа и слоновая кость.

Спать улеглись рано. Мпепо в эту ночь не дежурил и уснул сном младенца. Крепко уснул и уставший Бреун. Коке

BCEMVPHOM CAEAONDIT

BEEWINDIN CARANIDA

как младенец какой-то зверек, попав на зубы хищнику. Броуна не разбудил этот звук, - значит спит крепко. Кокс кивнул головой утвердительно. И Бакала, который следил за каждым жестом Кокса, тотчас встал и заложил руку за спину, очевидно вытаскивая из заднего кармана револьвер. Я гешил, что надо начинать действовать. Я проделал штуку, к которой обыкновенно прибегают индейские слоны, желая напугать врага: они плотно прижимают отверстие хобога к земле и начинают сильно дуть. Получается странный, пугающий звук: греск, бульканье, храпенье. Этот звук мог бы разбудить мертвого. А Броун не был мертв.

- Какой чорт тут играет на тромбоне? сказал он, поднимая голову и тараща сонные глаза. Бакала присел на корточки.
- Ты что, танцуешь? спросил Броун.
- Я... слон, проклятый, разбудил меня! Пшел прочы!

Но я не уходил, и через некоторое время, когда Броун опять погрузилля в сон, повторил свой фокус. Кокс уже подходил к Броуну с револьвером в руке, когда я затрубил что было мочи. Броун вскочил, подбежал ко мне и пребольно ударил меня ребром ладони по кончику хобота. Я быстро свернул хобот и отошел.

- Убью, проклятое животное! крикнул он. Это не слон, а дьявол какойто. Мпепо! Гони слона отсюда в болото!.. Зачем у тебя револьвер в руках? вдруг спросил Броун, подозрительно осматривая Кокса.
- Я хотел пальнуть разок-другой в Труэнта, чтобы он убрался подальше.

Броун уже свалился на землю и начинал засыпать. Я отошел на несколько шагов, продолжая наблюдать за лагерем.

- Проклятый слон! слышал я, как шипит Кокс, грозя мне кулаком.
- Он чует зверя, ответил Мпепо. Юноша хотел оправдать мои поступки, не подозревая, как он близок от истины. Да, я ревел потому, что чуял зверей двуногих беспощадных зверей.

Уже совсем под утро Кокс кивнул головой Бакале. Они быстро подбежали — Кокс к спящему Броуну, а Бакала к

Мпепо — и оба одновременно выстрелили. Мпепо вскрикнул жалобно и пронзительно, как тот зверек, который кричал в начале ночи, поднялся, встряхнулся, упал и начал быстро-быстро подергивать ногами, а Броун не издал ни единого звука. Все произошло так быстро, что я не успел предупредить несчастных...

Однако Броун был еще жив. Он вдруг поднялся, оперся на локоть правой руки и выстрелил в Кокса, склонившегося над ним. Тот упал как подкошенный. Прикрываясь его трупом, Броун начал стрелять в Бакалу. Бакала закричал:

— А-аІ рыжий обманщик! — Выстрелил один раз и пустился бежать. Но, сделав несколько шагов, Бакала вдруг завертелся на одном месте, как это бывает с людьми, когда пуля попадает им в голову, и упал на землю. Броун тяжело вздохнул и откинулся навзничь. Острый запах крови стоял над поляной. Все смолкло. Только хрипел Броун. Я подошел к нему и посмотрел в лицо. Глаза его уже были мутны. Но он сделал еще одно судорожное движение и еще раз выстрелил. Пуля легко оцарапала мне кожу у колена правой передней ноги.

XVI. Удачный маневр.

Наконец-то, — это было в Матади, мне посчастливилось. Был вечер. Солнце спускалось за вершины гор, отделяющих бассейн Конго от океана. Я шел по лесу недалеко от реки, предаваясь грустным размышлениям. Я уже начинал сожалеть, что не побежал вместе со стадом в загон. Теперь я не ходил бы изгнанником: или окончились бы все мои земные страдания, или же я превратился бы в честного рабочего слона. Направо от меня, сквозь чащу прибрежного леса, в лучах заходящего солнца горела рубинами река. Налево росли исполинские каучуковые деревья с надрезами на коре. Судя по этим надрезам, здесь близко должны быть люди.

Я прошел еще несколько сот метров и вышел на обработанные поля, где росли маниока, просо, бананы, ананасы, сахарный тростник и табак. Осторожно ступая, я прошел по меже между сахарным тростником и табачным полем. Межа привела меня к большой поляне с

домом посредине. Около дома никого не было видно, а на поляне недалеко от меня резвились дети: мальчик и девочка семи-девяти лет, игравшие в серсо.

Я вышел на поляну, незамеченный ими, и вдруг, поднявшись вадние ноги, пискнул как можно смешнее и заплясал. Дети увидали меня и замерли от удивления. А я, радуясь, что они не заплакали и не убежали в первую минуту, проделывал такие забавные штуки, которые вероятно и не снились дрессированному цирковому слону. Мальчик первый пришел в восторг и начал хохотать Девочка захлопала в ладоши. Я танцовал, кувыркался, становился то на передние, то на задние ноги, делал курбеты.

Дети все больше смелели и подходили ко мне. Наконец я осторожно протянул хобот и предложил мальчику сесть на него и покачаться. Мальчик после некоторого колебания решился и, усевшись на конец согнутого хобота, начал качаться. Вслед за этим я покачал и девочку. Признаюсь, я так был рад обществу этих веселых маленьких белых людей, что сам увлекся игрою и не заметил, как к нам подошел высокий худой мужчина с желтоватым лицом и впалыми глазами, говорившими о том, что он перенес не так давно приступ тропической лихорадки. Он смотрел на нас с неописуемым изумлением и, кавалось, онемел. Наконец его увидали и

- Папа! крикнул мальчик по-английски. Смотри, какой у нас хойтитойти!
- Хойти-тойти?! повторил отец глухим голосом. Он стоял, опустив руки, и решительно не знал, что делать. А я начал любезно раскланиваться с ним и даже... опустился перед ним на колени. Англичанин улыбнулся и потрепал меня по хоботу.

«Победа! Победа!» — ликовал я...»

* _ *

На этом и кончается повествование слона. В сущности говоря, на этом можно окончить и его историю, так как дальнейшая участь Хойти-Тойти не представляет особого интереса. Слон, Вагнер и Денисов совершили хорошую прогулку в Швейцарию. Слон, удивляя туристов, гулял в окрестностях Вэвэ, где в прежнее время любил бывать Ринг. Иногда слон купался в Женевском озере. К сожалению в тот год рано похолодало, и нашим туристам пришлось вернуться в Берлин в специальном товарном вагоне.

Хойти-Тойти продолжает работать в цирке Буш, честно зарабатывая свой ежедневный трехсотшестидесятипятикилограммовый паек и удивляя не только берлинцев, но и многих иностранцев, специально приезжающих в Берлин посмотреть на «гениального слона». Ученые все еще спорят о причинах этой гениальности. Одни говорят — фокус, другие — условные рефлексы, третьи — массовый гипноз.

За слоном ухаживает Юнг, чрезвычайно вежливый и предупредительный. Юнг в глубине души побаивается Хойти-Тойти и подозревает, что тут не без чертовщины. Сами посудите: слон каждый день читает газету, а однажды вытащил из кармана Юнга коробку с двумя колодами карт для пасьянса — и что же? — когда Юнг пришел невзначай к слону, то застал его за раскладыванием пасьянса на днище большой бочки. Юнг никому не рассказал об этом случае: ов не хочет, чтобы его считали лгуном.

Написано по материалам Акима Ивановича Денисова. И. С. Вагнер, прочитав эту рукопись, написал:

«Все это было. Прошу не переводить этого материала на немецкий язык. Тайна Ринга должна быт сохранена по крайней мере для окружающих».